

Ващенко Александр Владимирович

**Столб, подпирающий мир:
традиция и современность на Хайда Гвай.**

Владения гитксанов

Ващенко Александр Владимирович

• • • • •

**Столб, подпирающий мир:
традиция и современность на Хайда Гвай.
Владения гитксанов**

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская обл., г. Ногинск

2012

УДК 397
ББК 63.5(3)
В 235

Ващенко Александр Владимирович

В 235 Столб, подпирающий мир: традиция и современность на Хайда Гвай.

Владения гитксанов / А.В. Ващенко. –

Московская обл., г. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2012. – 114 с.

ISBN 978-5-905277-14-6

Рассказ-паломничество о традиционной и современной жизни индейцев хайда с островов Королевы Шарлотты сочетает в себе черты дневника, исповеди и научного отчета. Гротескная тихоокеанская культура индейской знати, воинов, рабов и резчиков, оставивших потомкам изобилие монументальных тотемных столбов, представлена впервые глазами русского очевидца. Тесная связь этой культуры с племенами материкового побережья Канады раскрывается в описании поездки к гитксанам с верховьев реки Скины. Красочные фотографии и переводы мифов, впервые публикуемые в русском переводе, служат Приложением к основному тексту.

ISBN 978-5-905277-14-6

ББК 63.5(3)

© Ващенко Александр Владимирович, 2012

© Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС», 2012

Содержание

Столб, подпирающий мир	4
Владения гитксанов	37
Приложения	59
• Бакланий головной убор Сен'арэта.....	59
• Речи, произносимые на празднестве, когда поднимают столб в честь усопшего.....	65
• Оживший образ	68
Фотографии	71
Картины Эмили Карр	106
By way of an afterword	111
Библиография	113

Столб, подпирающий мир

Посвящается моему другу –
Майлеру Уилкинсону, и всем,
кто помогал нам в пути.

Свидание с краем индейцев хайда – на карте их исконные земли именуется ныне островами Королевы Шарлотты – произошло и случайно, и преднамеренно. Этот край собрался навестить мой друг, канадский профессор Майлер Уилкинсон. Он, исконный житель Британской Колумбии, как-то прежде уже побывал там, а ныне задумал исследование о знаменитой канадской художнице Эмили Карр (1871-1945). Дело в том, что эта смелая и экстравагантная дама, изъездив в начале XX века в одиночку медвежьих углы провинции, оставила редкое по объему и художественной силе наследие – живописный «портрет» традиционной индейской культуры и образы лесной природы. Я же, поддержав предложение Майлера, имел цели множественные: хотелось «из первых рук» познакомиться с островной культурой тихоокеанских индейцев, понять во многом загадочную и гротескную их культуру и духовную жизнь. Были и цели более частные: повидать знаменитые тотемные столбы в их естественном окружении и, может быть, уяснить себе этот феномен...

С одной стороны, вырисовывалось немало экзотики.

С другой стороны, было и немало колебаний: все же край лежит далеко, поездка затратна, практического результата не предвидится и, в конце концов, есть немало приоритетов – насущных дел и научных обязательств. Жизнь приучает не тянуться к роско-

ши – а сей дар обстоятельств представлялся мне такой случайной роскошью, без которой вполне возможно и обойтись. Что будет он значить в мои преклонные годы? Стоит ли отправляться на эту встречу?

Однако свидание с хайда оказалось из тех, что выстраиваются длиною в жизнь. Как выяснилось, мне довелось побывать в местах, неведомых русским – среди своих соотечественников я оказался первым на Хайда Гвай; почти то же касается и мест на материке, где я появился вторым – в среднем течении Скины. К тому же теперь я понимаю, что «роскошь» эта – дар не обстоятельств, а судьбы, и что, наметься она годом позже, по ряду причин вообще бы не состоялась... Наконец, главное откровение было связано с погружением в культуру – а оно всегда роскошь... Но все это стало ясно потом; а тогда, разделив расходы пополам, мы просто отправились в дорогу. Произошло это 2-20 июля 2009 года, и путь наш сложился из двух половин – он пролегал по островной и континентальной Британской Колумбии.

Сознаюсь сразу: содержание поездки оказалось на диво редким и глубоким. Не пожелав уходить из памяти, оно «выросло» помимо моей воли, словно заявляя о том, что, объединив многие судьбы, не может больше принадлежать мне одному. Поэтому нельзя было не поведать о нем другим, быть может, к общему удовлетворению. Но только в каком жанре? Со временем я понял, что смогу сделать это только в жанре путевого дневника, но комментированного, с признаками научной документальности. Размышления и информацию, полученную позднее, я выделил курсивом. Сама собой наметилась и необходимость в небольшом

приложении: тесно связанное с основным текстом, оно все же «отказалось» стать его частью.

— — —

Перелет из Москвы вел через Англию. В лондонском аэропорту Хитроу мне сразу бросилось в глаза обилие Востока – больше всего мусульманок с детьми, потом шли индийцы обоого пола, а уж остальное – всякой твари по паре: тут явно толпился весь мир. В подобной вавилонской атмосфере становится понятен столь расхожий элемент западной деловитой толерантности, как моленная комната для множественных вер, “Multy-ethnic room”...

Встречи с аборигенными культурами Тихоокеанского побережья Северной Америки начались уже отсюда. Дожидаясь пересадки, я заглянул в путеводитель по Аляске, где когда-то побывал, и смог уточнить для себя кое-что об отечественном присутствии в Русской Америке. В ее «столице», Ситке (вернее Shee Atika, это остров, лежащий «по ту сторону о-ва Баранова») проживали тлинкиты куана (рода) Киксади. Среди местных тлинкитов русское присутствие отмечалось еще в Ангуне, Кеике и в Хуна. В Ситке и сейчас высится двенадцать тотемных столбов. То же место дало название дереву – Sitka spruce, – названное по имени города, оно славится крепостью, легкое по весу и встречается по всей Северной Америке; известен даже и «ситкинский олень» – Sitka deer, – что бы это ни значило...

Перелетев через всю Канаду, я прибыл в Ванкувер второго июля в 14 часов 6 минут. В международном аэропорту меня встретила масса декоративных панно с композициями местной индейской художницы-сэлишки Сьюзен Пойнт, которая в послед-

нее время стала активнее выступать в роли скульптора. А монументальные тотемные столбы встречаются приезжих уже в самом здании, и продолжают это делать на автобусной остановке.

Мой друг Майлер встретил меня в аэропорту, и остаток ясного солнечного дня мы завершили паломническим визитом в Стэнли-парк. У тамошней группы тотемных столбов возникло прибавление – три больших декоративных арки работы Сьюзен Пойнт – яркие, многокрасочные. Люди фотографируются, проходя под ними. Но, конечно, мы шли навестить могилу Полин Джонсон, у которой я уже не раз побывал. Ныне она – канадская поэтесса-индеанка национального значения. Сама Полин просила оставить могилу без памятника, но Женский Клуб Ванкувера заказал надгробный монумент. Скромный, с барельефом и ручейком-фонтанчиком, он стоит, скрытый в рощице деревьев неподалеку от побережья. Мир и покой царят здесь, пока не налетают бури. Оттуда ей покойно тайным зраком окидывать море и город – да глаз тут и не нужно. Будучи поэтом, она все и так знала – что было и что будет, как то описано в ее легенде о «Затерянном острове».

К вечеру, в центре города, в богемно-бездомном развлекательном районе Гастауна мы прошлись, словно по музеям, по знакомым галерейкам индейско-эскимосского искусства. Там выставляются уже преуспевшие аборигенные художники, и цены поэтому соответственные.

На следующее утро отправились в Музей Антропологии Университета Британской Колумбии. По дороге Майлер поведал о том, что они с женой Линдой осуществили свою заветную мечту – побывали в Грузии, на месте древних духоборческих деревень

Гореловки, Богдановки и др., у истоков духоборчества. Поскольку оба они всегда были тесно связаны с канадским духоборчеством, эта поездка явилась паломнической. Там сохранился «сиротский дом», где проживал старейшина, и кладбище. Мне понравилась идея соединения власти и сиротства, смирения/служения при верховных полномочиях – что, вообще говоря, было делом обычным в традиционных культурах. Теперь нам предстояло другое паломничество – на Хайда Гвай.

Здание университетского Музея Антропологии выполнено выдающимся канадским архитектором Артуром Эриксоном, который свои архитектурные замыслы заимствовал из древних цивилизаций – в частности, у майя. А снаружи, во дворе, воспроизведена индейская деревня тихоокеанского побережья – дома и тотемные столбы – в основном хайда, последние – работы прославленных резчиков: Билла Рида, Дуга Кранмера, Мунго Мартина и Сьюзен Пойнт. Столбы неплохо выдерживают время, поскольку кругом сухо и достаточно тепло: между прочим, в Ванкувере растут пальмы и юкка. Трудно поверить...

Из местного аэропорта, уже на маленьком самолете, состоялся вылет на острова Королевы Шарлотты. Они лежат в Тихом океане примерно между 52-55 градусами северной широты и 132-134 градусами западной долготы. В течение полутора часов чуть не половину времени летели вдоль острова Ванкувер, который тянулся бесконечно долго – над землями нутка, квакиютлей и множества других племен, а уже потом – через пролив Гека-ты. Он, хотя и считается мелководным, назван так из-за частых штормов – считается третьим в мире по количеству и «качеству» местных бурь.

Вся линия архипелага Хайда Гвай изрезана – кругом горы, заливчики, островки, лишь отдельные места побережья песчаные. Из-за этой изрезанности, хотя все вроде бы близко, прямо никуда не доедешь – лишь на перекладных да на лодке. Поэтому, приземлившись на поле у поселка Сэндспит, оттуда автобусом с пол часа добирались до местного паррома, а уже на нем – в «стольный город» Квин Шарлотс-Сити. Это – всего две улицы вдоль внутренней бухты, с домиками-особняками, магазинчиками, туристическим бюро, именуемым здесь Визиторс-Сентер, Центром для посетителей. Словом, круглогодичный курорт. Снега все равно выпадает немного, и, в общем, тепло даже зимой. Много народу приезжает просто порыбачить. Устроились в забронированной семейной гостиничке «Майк-энд-Дороти», с видом на бухту. Мрачноватый хозяин хорош тем, что знает все и вся в округе, так что точнее информации, чем у него, не найти даже в местном турбюро. В районе пяти вечера на единственном такси в городе проехали километра четыре до самой обширной и значительной деревни в центральной части Гвай – Скидегейта.

Не доезжая до деревни с полкилометра, вы попадаете в музейный комплекс Центр Наследия хайда. Первое знакомство с ним оказалось запоздалым – музей уже закрыт, конец рабочего дня. Между прочим, в канадских музеях внутри фотографировать запрещается, а кое-где не дают даже записывать. Однако снаружи комплекс выглядит внушительно: он спланирован на манер старой деревни хайда. Строения имитируют общинные дома, – частью застекленные, они отданы под экспозицию, но рядом есть цех и мастерские по обучению и демонстрации резьбы по дереву. К мастерской примыкает навес для лодок; есть кафе с традицион-

ной кухней, служебные и отданные под науку помещения, а также выставочное пространство. На одной из лодок заметен встроены на носу квадратный деревянный ящик-барабан.

Посетителей как раз приглашали на открытие выставки художницы-хайда Эйприл Уайт, потомницы знаменитого вождя и резчика Чарли Эденшо (произносится, однако, Иденсоо). Оба они – выходцы с севера архипелага, из деревни Массет. Все тотемные столбы перед домами-залами музея – новые, сделанные на заказ, и таких на островах много – режут известные скульпторы сами для себя, для муниципальных нужд, для родичей и под частные заказы. Искусство монументальной резьбы сегодня живо. От музейного комплекса по прибрежному шоссе – полкилометра до самой деревни Скидегейт, где и живут ныне потомки хайда. Повсюду – на траве, бревнах, у воды, на вершинах елей и сосен, в воздухе – активно заявляют о себе орлы и вороны, так что становится понятно, откуда у большинства племен Тихоокеанского побережья пошли фратрии Орлов и Воронов. Те и другие кричат, явно передавая послания и комментируя происходящее. Для хайда они – родственные «народы», такие же, как они сами.

Обратно доехали на том же таксисте, который, тоже по необходимости, знает всех и вся в округе (мы сейчас, пожалуй, его единственные клиенты).

Поутру четвертого июля паромом переплыли бухту обратно, снова минут сорок тряслись микроавтобусом, поданным турфирмой, и прибыли в Лагерь Морсби – названный по острову, на котором он находится. Дело в том, что весь вытянутый треугольник Хайда Гвай делится на два больших острова – южнее лежит Морсби, а севернее, через пролив – Грэхем.

Все племена Тихоокеанского региона Северной Америки – общины по складу культуры. Из исторических и мифологических сведений явствует, что практически все они воевали между собой, так же как и рождались по крови посредством пленений, похищений и браков. Поэтому неудивительно, что у тлинкитов Аляски сохранилось предание о том, как появились острова хайда.

... Прежде на островах Королевы Шарлотты была лишь одна деревня хайда. Из нее-то люди и отправлялись на ловлю палтуса. Все возвращались с богатым уловом, лишь одному человеку сильно не везло. И вот как-то ясным днем у него попало на крючок что-то очень большое. Долго и с трудом вытаскивал он удочку, но на крючке оказался маленький-маленький палтус – а больше он так ничего и не поймал.

Вернувшись домой, рыбак сказал: «Вот очень маленький палтус – может, он принесет мне счастье». А жена, увидев, как мала рыбина, схватив за хвост, вышвырнула палтуса на берег. Тот стал подпрыгивать и биться, все быстрее и быстрее. Люди видели, как он вырос величиной с весло, потом с крышу дома, потом покрыл весь берег, а к вечеру превратился в огромного великана-палтуса, и тот своими прыжками разнес всю деревню.» До этого край был единой землей, но палтус разбил ее на кусочки разной величины – таковы они и поныне. А люди той деревни рассеялись по всей округе...

В лагере нас ждали ангары с надувными лодками-«зодиаками» (такие используют пограничники и спецназ) и снаряжение – сапоги и куртки, пояса безопасности, которые раздали нашей группе из семи-восьми человек. Фирмой руководит Лора, молодая хрупкая на вид женщина, с помощниками, организуя

двух и четырехдневные туры, с посещением заброшенных исторических деревень хайда.

И вот руслом реки, спустя полчаса хода прибываем к первой из деревень. Заказывая тур, Майлер подбирал те из них, которые когда-то посещала Эмили Карр. Первой у нас на пути оказалась Камшуа (Cumshewa, или «Богатство в устье реки»). Было интересно взглянуть, что случилось с ней спустя столетие. Название деревни дано белыми людьми по имени вождя. Их бывало у хайда два типа: вождь семьи/рода (один общинный дом) и вождь (или вожди) всей деревни. Хайда называли эту деревню иначе. *На старых фото конца XIX века виден лес тотемных столбов (всего 29), а дома, числом 16, еще повторяют цифру, данную раньше, в середине столетия. Прежде там проживало около 300 человек. А в начале XX века, когда деревню посетила Карр, она упоминает один оставшийся дом с дырой в стене и большую скульптуру ворона на невысоком столбе – все, что случилось после того, как жители покинули деревню из-за эпидемии оспы.*

Сейчас здесь, как и во всех прочих деревнях, не осталось ни одного дома и единицы столбов – да и те нужно, пристально взглядываясь, находить по следам в наступающих отовсюду зарослях. Большинство деревень было покинуто в пору эпидемии оспы, завезенной европейцами в конце XIX века – всех жителей побуждали переселяться в Скидегейт – там была христианская миссия и была вакцина, так что «прививка», предоставленная цивилизацией, оказалась двойной. Сами хайда недавно приняли проект консервации и присмотра за историческими поселениями. Была создана система «смотрителей» (watchmen) аборигенного происхождения. Семью селили на месте бывлой деревни в домике

традиционной архитектуры, но с современными удобствами, где они в туристический сезон поддерживали порядок. В Камшуа, правда, домик пустовал. С крыльца открывается чудесный вид на просторы реки и на дальние горы. На месте бывшей деревни различимы лишь несколько поросших травой ям из-под заглубленного пола семейных домов, да в двух местах – остовы тотемных столбов, в одном случае – полуобвалившиеся угловые опоры стен. Прочее – на земле, догнивающее под слоем мха. Останки деревни ныне объяты лесом, подросшим за столетие, и часто тотемный столб стоит, врастая в ствол живого дерева. Бродя между ямами, я подобрал перо орла...

Рядом, соединенный узкой косой, лежит шаманский остров, куда путь всем заказан. Туда шаманы отправлялись для проведения обрядов. Там же их и хоронили. В отличие от прочих, шаманов, как говорят, не сжигали, а хоронили в погребальных домиках (mortuaries). На этом мы распрощались с Камшуа.

Спустя еще час плавания впереди открылась деревня побольше – Скеданс, названная также по имени вождя; у самих хайда деревня именовалась Куна, «земля на краю», то есть расположенная на островной косе, поскольку растянулась она во всю длину этой косы километра на полтора. Там в былые времена проживало полтысячи человек, высилась масса родовых домов, и у каждого – по несколько столбов. *Путеводитель Национального парка сообщает, что в конце 1800х гг. здесь находилось свыше 50 образцов монументальной скульптуры. Потомок вождя этой деревни и его род, как и во многих аналогичных случаях, проживают ныне в Скидегейте.* Конечно, здесь тоже имеется домик сто-

рожа, на сей раз обитаемый. В остальном – длинный ряд ям из-под бывших домов, некоторые весьма глубокие и обширные, что говорит о знатности и богатстве вождя-хозяина. По всей линии косы – с десятка два полуразрушенных, покосившихся, падающих столбов разного рода.

Во время своего визита в Скеданс Эмили Карр отметила наличие множества погребальных столбов. «Некоторые из старых погребальных столбов были обломаны, и можно было видеть, как сквозь трещины выглядывают черепа».

А вот ее общее впечатление о столбах: «Это был длинный путаный ряд во всю длину залива, с наклоном туда и сюда; но независимо от того, сколь хмельным выглядел их крен, столбы хайда не утратили своего достоинства. Может, они смотрелись печальней при наклоне вперед, и выглядели суровой при наклоне навзничь. Солнцем растрескало и отбелило их до розоватого серебра, но ничто не смогло ни обеднить, ни придать им злобного вида, потому что индейцы вложили в них силу мысли и глубоко верили в то, что пытались выразить». Читая эти строки, я подумал о том, что художник и здесь, в лице Эмили Карр, одинокой женщины, опередившей время, наперекор эпохе, оказался пророком будущего. Она думала, будто спасает от небытия лишь образ уходящей, брошенной, почти усопшей культуры – а время показало, что художница мыслила даже не категориями региона или провинции – она подарила всей стране ее идентичность.

На столбах деревни Скеданс, в нижней части, нередко можно заметить квадратные отверстия от клиньев – при установке столбы часто приходилось «доворачивать» в нужную сторону – они должны были смотреть в море. Одно из изображений

здесь – морской медведь с плавниками кита-касатки – морской дух, способный своей властью помочь или покарать. У подножия какого-то бывшего фасада Лора поднесла к мшистой колоде листок с рисунком волка – чтобы можно было уловить в колоде очертания горизонтальной резной композиции, какие были в ходу у хайда. Вообще говоря, отношение к столбам самих носителей культуры показалось сначала странными. С одной стороны, места бывших поселений сохраняются, с другой – ничьи столбы никто не ремонтирует и не заменяет. О покосившихся, «падающих» столбах Скеданса Лора сказала нам: «Быть может, вы последние, кто их видит».

Здесь уместно остановиться на концепте тотемного столба в целом. Важно отдавать себе отчет в том, что столбы – не алтари и не идолы, а символы статуса дома, рода, вождя, и обычно обновлению не подлежат – можно лишь ставить новые в честь тех же и новых имен, родов и событий.

Еще в Камшуа нам стали объяснять разницу между различными типами тотемных столбов. Позже я задался целью уяснить себе их классификацию, и получилось следующее.

У хайда наибольшее распространение получили три вида таких столбов: фронтальные помещались по центру фасада семейного дома; в нижней части такого столба нередко прорезалась дверь-арка. Памятные столбы (поминальные или мемориальные) ставились в честь усопшего вождя или родича, чья могила находится подалеку или же если он пропал в море. Погребальные столбы содержали тело умершего. Существовали и другие, но эти три вида встречаются постоянно, формируя внешний облик деревни хайда.

Фронтальные или фасадные столбы хайда обычно несут в наверху фигуры трех стражей (watchmen), чьи лица обращены вперед и по сторонам; море являло собой мир хаотичный, «подземный»; тогда как тыл, уводивший в верхний мир, представлялся безопасным. В сечении эти столбы были полукруглыми – задник примыкал вплотную к фасаду. От стражей вниз нередко шли эмблематические гербы-изображения, принадлежавшие вождю, понизу столба – его жене.

Памятные столбы ставились перед домом спустя год по смерти вождя; они были округлыми. Чаще всего у основания столба вырезалась одна эмблематичная фигура, а венчал столб знак фратрии – Ворона или Орла. Остальное пространство – во всю длину – заполняли «потлачные кольца» – они означали число празднеств-потлачей (знак достатка и статуса), заданных усопшим в жизни...

Тело умершего вождя помещали в погребальный ящик, который ставили на тапта – резную горизонтальную зооморфную фигуру; дух, в ней изображенный, как считалось, уносил усопшего в потусторонний мир. Тело оставалось в этом положении, пока его не перенесут в погребальный домик-мавзолей; там оно пребудет, пока не воздвигнут погребальный столб. В течение двух лет племянник вождя вырезал или заказывал погребальный столб, воздвигая его во время праздника-потлача, который задавал в честь усопшего дяди, уплачивая добром всем участникам и свидетелям этого события. Такой столб служил могилой знатному человеку и украшался эмблемами усопшего. Он был округлым, ставился у дома и содержал внутри тело умершего, захороненное стоя в верхней части в специальном коробе. Короб прикрывал-

ся раскрашенными панелями. Погребальные столбы были обычно ниже фронтальных и памятных; готовый столб перед установкой переворачивали вверх ногами, так что нижняя часть ствола дерева становилась навершием столба. После установки столба горизонтальную композицию ставили у его основания.

На столбах изображались сверхъестественные силы и духи, связанные с сюжетами, имевшими отношение к вождю рода. Звери символизировали и сам мир, и переход между мирами. Весь мир вокруг представлялся хайда огромным домом со столбом – мировым деревом – в центре. А связью рода с предками и миром сверхъестественного служили песни, обрядовые танцы, гербы-эмблемы и родовые имена.

Отплыв из Скеданса, мы отправились ночевать на плавбазу фирмы. По дороге Лора указала нам на один из островков вдали, поведав о вражде деревень Тану и Скидегейта; последние приплывали грабить, и жители Тану прятались на этом островке, чтобы их не нашли. Однако позже, спасаясь от эпидемий оспы, туберкулеза и инфлюэнцы, все все-таки сошлись вместе в Скидегейте.

Среди других индейских народов побережья хайда славились как мореходы и воины. При переходе на веслах было в обычае жевать корни лакричного папоротника – это снимало сухость во рту. Нам показали «Потерянный остров» – таково официальное название из-за того, что остров забыли нанести на карту: немудрено, поскольку Хайда Гвай – это архипелаг из 200 островков и островов с многочисленными реками и протоками. На подходе к мелям повсюду наблюдались скопления «бычьих водорослей» – в определенное время года жители их собирали и высушивали впрок на пищу. По дороге можно было наблюдать морских ко-

тиков, которые преспокойно нежились на солнце, а на подходе к базе мы достали со дна выставленную накануне ловушку на креветок, которых потом сварили. Сама база представляла собой гостиничку-дебаркадер в виде дома на 12 номеров, с кухней, столовой и пристанью.

За завтраком, наутро пятого июля, все услышали крик кухарки: она видела, как из воды метрах в десяти выпрыгнули, проплывая мимо, два огромных кита-касатки. Я же успел увидеть только два уходящих плавника... С дебаркадера, если смотреть в прозрачную воду, легко заметить богатую морскую жизнь: морские огурцы, звезды, медузы и водоросли всякого рода и вида. Температура снаружи упала до 12-15 градусов.

По графику тура нам предстояло навестить Горячие Ключи – чисто туристическое место, с каскадом бассейнов-купален. Виды, конечно, отменные. Пока все отмокали и нежились, Лора сообщила, что происхождение ключей связано с тектоническими явлениями: на островах бывают слабые землетрясения. / *В мифах хайда сохранился сюжет о том, как деревня была сожжена огненным шаром, посланным Вулканной Женицей* /. По пути, между прочим, нам попало табло: «Не устраивать пикников! Здесь стояла когда-то деревня хайда».

... Примерно через час мы добрались до бывлой деревни Тану. Согласно путеводителю, название деревни связано с разновидностью морской травы, растущей в округе. При высадке я впервые упал в воду и понял, зачем выдали сапоги.

Эмили Карр отмечает особый характер каждой виденной ею деревни. Так, в Камшуа она испытала такое сильное чувство

*одиночества, что ей показалось, «будто деревня просто при-
виделась». А прибыв в Тану, все ощутили, что «на берегу было
так тихо и торжественно, что, казалось, вслух разговаривать –
святоотатство. Казалось, все вокруг словно ждет чего-то и за-
таило дыхание». Она упоминает один развалившийся дом и два
фасада, да несколько столбов разного рода.*

По деревне Тану нашу экскурсию вел сезонник-хайда Шон Янг, молодой ученый со степенью по истории и археологии. Он рассказал, что у хайда сохранилась память о потопе – тот случился примерно 16.000 лет назад. Сам он происходит из фратрии Ворона, а меньшие деления – это роды (или семьи, линиджи), так что у каждого дома-семейства были собственные эмблемы. С его слов, только дома знати имели ступенчатые полы (там рас-саживались по рангу, чем ниже и ближе к огню, тем почетнее), в домах же простых семей пол ровный. Дверь прорезалась небольшо-шая – легче было оборонять жилье от вторжения. Сразу за ней стояли рабы, которые при нападении должны были принять на себя первый удар. Потом шли общинники, и наконец, у дальней от входа стены, за специальной ширмой, располагались вождь со своей семьей. Имелся и «задний вход». Празднества-потлачи, передача имен по наследству и поднятие в честь важных событий новых столбов практикуются у хайда до сих пор. Со слов Шона, в Тану когда-то проживало 400-600 человек, домами слева направо: Орлы, потом Вороны. Сейчас остались только многочисленные упавшие остовы столбов, часть угловых опор (по ним можно представить величину дома) да ямы пола.

По словам Шона, судя по останкам, внешне хайда были вы-сокими и плотными людьми. Он сравнивал их с викингами Но-

вого Света, поскольку хайда любили совершать набеги на континент – воевали с цимшианами, нишга, тлинкитами и прочими, причем не точечно, а начинали с севера и шли грабежами к югу подряд вдоль всего побережья, дабы поход «окупился». Захватывали рабов, брали женщин и детей (по мысли Шона, опасаясь инбридинга). Но рабов нередко поднимали в статусе, даруя им эмблемы-гербы и почетные имена.

Что касается домов – на застройку брали spruce, она помягче, зато хуже в сохранности, а кедр хоть и долговечнее, зато тверже, и его стали использовать позже. Существовали и погребальные домики-мавзолеи. По мнению нашего гида, «читать» смысл тотемных столбов ныне разучились.

Большая часть столбов в Тану датировалась 1870 годами – теперь нет ни одного. Сильно вредят ураганы, которые валят столбы. *В былые времена нередко перед установкой нового столба в яму бросали раба.* Что же до домов – рабы их не строили; считалось, больше чести было нанять строителей из противоположной фратрии, заплатив им за услугу.

Там же, в Тану, в стороне от остовов поселений, дальше по берегу, осталось небольшое кладбище. Здесь, рядом с двумя-тремя другими вождями, похоронен знаменитый канадский скульптор, ювелир и художник-график хайда Билл Рид (1920-1998). Он был родом из Тану. Путь к национальному признанию начался у художника и скульптора с полного нуля. В эпоху господства ассимиляторской политики мать скрывала от ребенка, что по происхождению тот – хайда, а умирая в эпоху этнокультурного триумфа, достигнув мировой славы, Рид завещал похоронить себя не в столице и даже не в Ванкувере, и не в жилой деревне вроде

Скидегейта, а именно в покинутой всеми деревне Тану, там, где родился – на Хайда Гвай. По фратрии он – Ворон, а эмблемой рода является Волк – герб, завезенный с континента, поскольку на островах хайда волки не водятся. После кремации тела в Ванкувере урну с прахом скульптора хайда везли в каноэ в традиционном ящике, с пением, под барабанный бой, до самой Тану. И здесь, на местном кладбище, его предали земле, но не прямо под надгробием, а где-то в стороне, опасаясь разграбления могилы. Где именно, знает Шон, а еще – только родня. Родичи, между прочим, досадовали, что он категорически настаивал на своем погребении в Тану.

Надгробие венчает простая надпись – с указанием имени и фратрии:

In Memory of
Ilyuwas
Yalth Sgwansang

По словам нашего гида, в этом году на местный праздник впервые прибыли алясские хайда, которые заявили: «Мы приехали домой». *То были хайда Кайгани, колонизовавшие тлинкитские территории, вытеснив это племя с поселений юга Аляски.*

Любопытно было узнать, что совет племени выкупил права на известную книгу антрополога Дж. Суонтона об их культуре, заказав ее переиздание, так что приобрести книгу теперь можно только у них, причем с разрешения вождей. Повсюду запрещается фотографирование – люди боятся самовольного вывешивания информации в интернете и вообще любого сенсационного произвола. *Теперь, вспоминая все это, я понимаю, что в базовых своих проявлениях всякая традиционная культура сакральна.*

Поездки вроде той, что предоставляет фирма «Морсби Эксплорер», дают понятие о масштабах архипелага Хайда Гвай. Навскидку Шон сказал, что сейчас здесь проживает около двух тысяч хайда, а управляет совет племени совместно с госструктурами.

По пути назад говорили о множественных лесных порубках: леса – наряду с морепродуктами – составляют главное богатство края. То и дело по гористым берегам проток виднелись обширные безобразные плечи. Порубки совершают частные компании – лес вывозят где наземными средствами, где вертолетами. Причем даже при получении разрешения на вырубку участка они стараются «надуть» государство – вырубают больше заявленного и не заботятся о полагающихся по закону мерах к восстановлению посадок. Не помогают никакие штрафы при поимке с поличным – настолько прибыльное это дело...

По возвращении в гостиничку завязался разговор о вторжении цивилизационных технологий в традиционную культуру, в связи с чем Майк напомнил: ацтеки делали трепанацию черепа обсидиановыми лезвиями, а теперь повсюду наука возвращается к тому же, поскольку получается успешнее: такие ножи режут, не разрушая тканей. То же касается эскимосов, специально помещавших червей в раны для заживления....

Мы спросили об аргиллите, и хозяин гостиницы поведал, что за камнем идут на лодках по ручью до месторождения Чакслэйт Маунтин, потом поднимаются в гору. Добытую породу оборачивают мокрыми тряпками – иначе раньше времени затвердеет. А работать с аргиллитом имеют право только хайда.

На шестое июля была запланирована поездка в Чаатл (Chaatl), четвертую по счету деревню, где побывала Эмили Карр. Майлер особенно сильно хотел попасть туда, поскольку художница оставила яркие воспоминания об этом месте. Туда нас взялись отвезти Арч и Маргарет, совладельцы трех катеров, объединенных в компанию «Рыболовные предприятия Арча» (Arch's Fishing Ventures). Все катера именуются «Откровениями». Мы пошли на «Revelation-1».

Переплыв бухту, долго потом шли протоками. На маршруте нужно было проходить Западными и Восточными Теснинами, что возможно только во время прилива. Потом – идти предстояло либо внутренним проливом в обход о-ва Чаатл, либо огибать его со стороны океана. Вначале попытались с внутренней – катером не пройти, слишком мелко. Спустив шлюпку-моторку, попробовали на ней, и прошли было часть пути, но чем ближе к устью, тем больше волна – и пришлось возвращаться: лодка неминуемо перевернулась бы. Вернулись, снялись с якоря и двинули в обход со стороны океана. Этот путь оказался длиннее, и волнение больше – даже для катера. Как вышли на внешний рейд, огибая остров – солнечная погода резко сменилась мрачной, туманной, хотя рыбацких катеров виднелось вокруг немало.

Огибали Чаатл долго и проблематично. Казалось, прошли неисчислимое количество мысов, обойдя столько же рифов и бурунов. Я почему-то решил, что капитан ходил уже здесь и дорогу знает. Майлер в какой-то момент стал настаивать на возвращении. Я тоже внутренне трясся, но торжественно сказал: «Надо больше верить в нашего капитана!», и он умолк. Казалось, этому не будет конца. Один раз нас довольно сильно сносило на камни, но обошлось; я думал – мы не выгребем. А если и получится – как

сойдем на берег?.. Позже я узнал, что капитан тут впервые... Но наконец – остров кончился, мы свернули налево, в залив, и почти сразу же – вновь смена погоды: волна стихла, и вышло солнце. Место высадки мы проскочили – ничто не выдавало местоположения бывшей деревни, все сплошь поросло лесом. Наконец, нашли – но ни подойти к берегу, ни встать на якорь не смогли: из-за глубины и течения тот не держал. Спустили моторку, но долго не могли завести мотор-«ямаху». Уже не помню как – подошли к берегу, все с мокрыми ногами – правда, было тепло. Маргарет же пришлось оставить за рулем «Откровения» – чтоб не снесло течением, катеру приходилось все время маневрировать.

Чаща сосен стеной встает от самой воды, берег высокий, сплошь бурелом, к тому же кругом овраги – просто черт ногу сломит. Порой различимы были остовы фундамента, угловых опор и, возможно, стропил от двух домов, какие-то из столбов повалены, но различить их среди лежащих деревьев под слоем мха было делом безнадежным. В одном месте миновали две горизонтальные «куклы» – следы монументальных композиций-mandas...

Мы с Майлером часто поражались, недоумевая, как могла молодая женщина столетие назад одна, с громоздкими мольбертами и прочим скарбом добираться в такую глушь. В своей книге «Кли Уик» она рассказывает, как добиралась до Чаатл на лодке – индеец отвез ее и оставил в глуши, сказав, что тут некого бояться, а медведи ее не тронут – и уплыл... Когда-то деревня насчитывала 26 домов и 22 столба, но во время Карр людей и домов там уже не было.

И все же, в свете виденного в других местах, поразительно было обнаружить по краям бывшей деревни два довольно хорошо

сохранившихся резных столба. Если стоять лицом к берегу, на левом краю деревни сохранился столб, который не представляется возможным идентифицировать, а на другом конце – знаменитый столб с москитом. *Фотоальбом Дж. Ф. Макдональда [5] указывает, что это фронтальный столб «Дома, Ищущего Гостей», и он – единственный столб этого типа, оставшийся к 1970 году. Фигуры на нем изображают сверху вниз: три стража – баклан-сверхъестественный сук-медведь гризли.* Однако своеобразие столбу придает редкая в резьбе фигурка москита в центре столба. На траве, у подножия, как я замечал у местных культур побережья и ранее, видны приношения в виде разбросанных раковин съедобных моллюсков. В том, что это именно приношения, вроде наших цветов на могилах, убеждают аналогичные следы, виденные мною прежде: так было на могиле вождя Сиэтла в одноименном городе США, на могиле Билла Рида в Тану, на кладбищенских надгробиях и порой – как здесь – у подножия столбов.

Обратный путь был легче: мы шли по ветру, и хозяева рассказали нам свои истории. Маргарет – 61 год, но этого ей не дашь; правда, и Арчу – 55, а он на них не выглядит. Оба в прошлом сильно болели, и каждый по-своему, буквально вернулись с того света. Она года четыре назад заразилась какой-то хворью, которая прерывает сигналы от головы к нервам. Адская боль при малейшем касании любой части тела. Врачи махнули рукой, предрекая постепенную гибель; из паралича Маргарет выбралась буквально силой собственной воли, когда врачи от нее отказались. Стала разрабатывать пальцы, играя на гитаре, а уж когда купила мотоцикл и поехала – поняла, что все худшее позади.

Арч – усыновленный чужак, и в семье, где рос, его обижали. Потом наркоманил, пил, играл. Излечился от всего в один день: заболел гепатитом С. Врачи травили его крысиным ядом, чтоб убить вирус. Убить-то убили, но и сам он после этого с трудом выжил. Сейчас – крепыш, кровь с молоком. Вместе они усыновили ребенка, – а тот оказался сыном ее сына от предыдущего брака, чиппева и белого... Непредсказуемы судьбы, но верно и то, что каждому дано их выстраивать.

... Опять плыли вдоль бесконечных порубок, и хозяева рассказали нам, что хайда совместно с правительством недавно провели закон, под действием которого порубки на Хайда Гвай сократились вдвое.

В Квин Шарлоттс-Сити туристическое бюро стоит на самом берегу бухты, и поскольку рядом в земле были найдены останки хайда, о чем сообщает памятная надпись, можно сказать, что оно расположено на месте бывшего поселения. Оттуда седьмого июля мы отправились знакомиться со Скидегейтом, основной ныне здравствующей деревней или поселком хайда в центральной части архипелага. В деревне имеется улица Воронов и улица Орлов, дом совета вождей и центр обучения родному языку (он был закрыт по случаю летних каникул). Для этого последнего Билл Рид сделал специальный фронтальный столб, который был торжественно установлен в честь открытия центра. В туристическом магазинчике на территории поселка среди современных выставлены и старинные вещи – для рекламы, не для продажи. Среди прочего выделялись современные «говорящие палки» – иначе резные ораторские жезлы, длиной в рост человека. Нам поясни-

ли: ударить об пол трижды – призыв к молчанию, сигнал к началу речи носителя жезла. Вообще говоря, жезл являлся родовой регалией, такой же, как имена, шапки или медные щиты, и ролей у него было много.

В фотокамере сели батарейки, и в поисках магазинчика мы наткнулись на дом Нормана Прайса, известного резчика-хайда 83-х лет. Перед домом он поставил себе столб с изображением Плачущей Женщины – тут впервые я познакомился с этим загадочным персонажем. Похоже, что у него она оплакивает лягушек – как в известном мифе хайда и в мифе цимшианов. У Нормана гостила какая-то сильно подвыпившая подруга-хайда и белый шофер Энди, считавший себя индейцем, приятель из Скидегейта и вроде бы тоже «под газом». Даже сейчас видно, как по-мужски привлекателен Норман был в юности. Он рассказал, что резал когда-то по аргиллиту, который вообще-то бывает трех видов – они встречаются на горе в разных местах каменоломни. «Дар резьбы пришел ко мне естественно», – поясняет Норман – и с ранних лет». Он был наследственным – отец вырезал лодки и многое другое. Сам же Норман сейчас не имеет ничего на продажу – все раздарил детям: станковые композиции, аргиллитовые и больших размеров скульптуры. Он любит резать по аргиллиту всех оттенков, но черный тверже, хотя и красивей.

Вместе мы поехали на сельское кладбище, поскольку Прайс туда собирался – навестить могилы. Фотографировать там, внутри ограды, было нельзя. Бродя среди надгробий, в основном каменных, реже – деревянных попроще, мы различали знакомые названия и имена вождей: Скеданс, Энн Янг, Гиткун Вождь Тану и других. Примерно пополам представлены христианские кресты

и каменные фигурные надгробия – у вождей побогаче. Чаше на них встречались барельефы или скульптурки воронов/орлов, а из эмблем рода – медведя и касатки. Многим из усопших было под 30-90 лет.

Вернувшись домой, Норман решил показать свою мастерскую – она располагалась за домом. Среди прочих замыслов и заготовок там лежал начатый столб, в работе была также маска. Норман с юмором пояснил: «Маску я делал для своей подруги, но она мне тут заявляет, будто не желает со мной больше разговаривать. Ну, тогда я ей сказал, что отдам эту маску другой женщине. Вообще, женщины – как аргиллит: есть помягче, есть потверже, но я их всех люблю. Я бы взял да вырезал женщину-хайда, только вот подходящей модели все не найду», – ухмыляется он. Я поразился, завидев на стене ковер с рисунком к картине Шишкина «Утро в сосновом бору» (с медведями). Норман пояснил: «Да это жена на какой-то барахолке купила». В благодарность хотели пригласить их пообедать, но подруга стала проявлять к нам излишнее внимание. Поэтому, купив всем по порции палтуса с картошкой, мы распростились.

Неизменный Вернон-таксист, (как оказалось, женатый на племяннице Нормана), угостил нас лососем, копченым на меду, с перцем. Сказка!

Позже, уже пешком, снова прошли в Центр Наследия хайда. Идя через залы, я услышал барабанный бой – он шел из помещения для лекций и публичных собраний, выстроенного под традиционный дом хайда. Там тоже были три уровня сидений. На самом верху, пробуя акустику, бил в барабан Энди Уилсон, известный резчик, изготовитель традиционный коробов, стенки

которых сгибают над паром. Барабан изготовлен им тем же способом. Не без ностальгии он поведал, что в былые дни, чувствуя гостей, 4-6 барабанов по углам дома начинали в унисон отбивать мелодию гостевой песни. Двери в доме бывало две – одна вела внутрь сквозь фронтальный столб – это для вождей, для прочих – другая, с краю. Под барабан вождь усаживался в нижнем ряду посередине, под ширмой.

Потом Энди Уилсон пошел показывать свою студию, в которой для молодых учеников-хайда он ведет классы по изготовлению коробов и весел. Там уже выстроился длинный ряд весел – готовых, раскрашенных, и стояла средних размеров лодка. По мнению хозяина, только хайда на всем побережье делали столь большие – в музее Естественной Истории в Вашингтоне стоит лодка под 68 футов. На вопрос о парусах он ответил, будто паруса из тюленьих шкур хайда знали и до контактов с европейцами. Изображения на веслах – это обычно эмблемы фратрии или рода/семьи. Маленькие («модельные») весла дарили, но также использовали в плясках. Учеников у него много, а на их вопросы, о том, «какую эмблему мне изобразить» – он обычно отвечает: сначала нужно определить, какой герб – твой, из какого ты рода, прежде чем браться за рисунок для весла. *Как видно, в основе этноискусства – традиционного и нового – всегда важен вопрос идентичности.*

Повсюду кругом полно Воронов, которые все время болтают, обсуждают что-то свое. Говорят, в поисках съестного они в состоянии даже расстегивать молнии на туристических рюкзаках. В Скидегейте вороны кричали и вовсе странно: что-то вроде «Карр-ху-у!».

И все время, даже на солнце, у воды низко-низко пролетают клочья тумана.

— — —

Поутру восьмого июля, распростившись с гостиницей и с Майком, мы с Майлером, арендовав машину, отправились в Массет. До сих пор мы крутились в центральной части архипелага (Скидегейт, Квин Шарлоттс) и южнее по останкам деревень на острове Морсби. Теперь Майлер, сев за руль, повел машину на север – вдоль острова Грэхем. Он ехал по местам своей юности, мимо деревянной скульптуры Св. Марии (Ст. Мэри-Спрингс), созданной его бывшим гидом-хайда Тедом Биллисом 30 лет назад. Мы ехали долго, но не обременительно, останавливаясь в сувенирных магазинчиках – Кристалл Кэбин и Ситка-Студио. Там и удалось приобрести аргиллитовые вещицы Майлза Эдгарса, потому что мне понравилась такая же, купленная Майлером в Скидегейте (Ворон, крадущий луну) работы Эми Эдгарс. Впрочем, знакомство с отцом и дочерью, как оказалось, ждало нас впереди.

Нью-Массет – современный поселок, где все жители – белые и индейцы – перемешались, а вот Старый Массет неподалеку – чисто индейская деревня, на крайнем севере Хайда Гвай, по значению столь же крупная, как Скидегейт. Как и там, здесь протянулись улицы Орлов и, чуть пониже, Воронов (Yaahl). Поселились мы «У Нонни», в домике Хелен Дэйвис, хозяйки-хайда, у которой Майлер заранее забронировал комнату – одну из трех свободных, и все они теперь были заняты: разгар турсезона. Мама и дочь – обе делают ожерелья, традиционные шляпы из волокон кедра и даже пуговичные одеяла для торжеств и плясок. Сын рыбачил, и после продолжительных уговоров мы сторговались,

чтобы он поутру отвез нас через пролив на остров, в заброшенную деревню Яаан: Майлер особенно настойчиво стремился попасть туда – ведь там тоже побывала Эмили Карр... По поводу аргиллита нам посоветовали зайти к Эми Эдгарс. Ее не было дома, зато на месте случился ее подвыпивший отец, в прошлом талантливый резчик. Он принялся показывать нам свои работы. Сказал, что такого ворона, как у меня, может сделать за четыре часа, но делает в день по три вещи, а вот дочь может шесть. Резать он начал в тринадцать лет, и работает с аргиллитом уже тридцать. Правда, девять лет назад от него ушла жена – он остался в одиночестве. Пока мы ждали Эми, он предложил мне в обмен на пачку сигарет свою традиционную шапку-амулет из кедра, отороченную мехом оленя – такие носят на празднествах, они призваны отгонять злых духов. Я отправился за сигаретами, но их не подвезли, а продавщица сказала, что если б и были, она не имеет права продавать чужим на территории резервации... Я вернулся и получил шапку за 20 долларов. Тут подошла Эми – статная, вдумчивая девушка; мы поговорили, и она согласилась сделать мне Орла под пару Ворону.

Когда я спрашивал у хайда, говорят ли они на своем языке, те отвечали, что мало, а то и вовсе нет: вместе с запретом на потлач в начале XX века последовал запрет и на язык, так что нынешнее поколение его утратило. Но все же я перехватывал порой речь хайда – в самолете разговаривали двое мужчин – да и часть населения, думается, все же двуязычна, хотя это уже современный, а не архаичный язык мифов хайда. *Суонтон указывает, что на островах существует два диалекта – один в Скидегейте, второй – в Массете.*

Здесь, как и в Скидегейте, порядок застройки тот же: перед домами стоят мемориальные столбы, увенчанные эмблемами фратрий – орлами и воронами. По слухам, здешние резчики-профессионалы неплохо зарабатывают – и частными заказами, и общественными, а чаще – сдавая свою продукцию в поселковый магазинчик «У Сары». После ужина мы проехали на старое кладбище. Бабушки-хозяйки искали знакомые могилки – так все заросло, что было трудно определить, где они. Им помог Майлер. Часть «языческих» фигурных надгробий явно обломана, да в целом их не так уж и много. И я подумал – уж не фундаменталисты ли христианского толка постарались, как в Джуно, на Аляске, где они жгли даже тотемные столбы? Мы с Майлером пообедали крабом, подаренным Арчем и Маргарет, потом прогулялись, зайдя к соседу-среброкузнецу поглазеть на дорогие вещи в его исполнении. Потом отправились за провизией в Нью-Массет. Сэм, сын хозяйки, сготовил улов, добытый накануне. Остатки он разбросал на берегу за кладбищем, и мы отправились смотреть, как народ орлов и воронов расхватывает добычу – первых собралось с десятков, вторых куда больше.

Кроме того, вороны в разных местах, как я заметил, тоже изъясняются на своем диалекте.

Нас заинтриговали было возможностью посмотреть пляски в общинном доме на побережье, и все поспешили туда, но по указанному адресу было пусто. Зато рядом оказалась студия местного объединения резчиков. Верховодил ею Юджин Дэвидсон – резчик хайда из обширного и широко известного семейства Дэвидсонов, родич знаменитого художника и скульптора Роберта Дэвидсона. За 10 долларов он провел экскурсию по студии и при-

мыкающей мастерской, наполненным самыми разнообразными произведениями искусства. Сам он резчик широкого профиля: тотемные столбы, маски, лодки, весла – и обучает тому же молодежь. Он показал литую маску Плачущей Женщины, и аргиллитовую – Вулканной Женщины: тонко сделанные, красивые вещи. Так я вновь встретился с этими духами, о которых так и не удалось тогда ничего узнать. Вся семья Дэвидсонов находится при деле: даже подростки создают дизайны на футболках, женщины плетут шляпы из корней кедра, делают подвески, komponуют эстампы. Тут же наш гид позвонил родичу Кристоферу Уайту, талантливому преуспевающему скульптору, чтоб тот продемонстрировал свои работы по аргиллиту... Между прочим, тут, похоже, все родственники: художница Эйприл Уайт, чью выставку мы видели в Скидегейте, – его племянница, жительница Нью-Массета. Словом, экскурсия превзошла все ожидания.

Девятого июля с утра Сэм Дэйвис на своей лодке (отец подарил, хотя и сам еще выходит рыбачить), повез нас на тот берег в покинутую деревню Яаан – туда и ходу-то всего минут двадцать, а самостоятельно никак не добраться.

Вышли на берег, и на краю леса увидели один восстановленный дом – пустой; возможно, для сторожа, либо просто молодежь уединяется здесь на отдых – в золе от огня видны остатки еды. Рядом еще высится полуразрушенный деревянный орел, которого когда-то писала Эмили Карр. В глубине леса повсюду – опорные столбы (точнее, их остатки), следы домов и ямы под них – я различил пять. Там же – остатки погребальных столбов, сросшихся с древесными стволами. А упавшие и вовсе не различить. Дальше по кромке леса на столбе частично сохранилось изображение че-

ловеческой фигурки, а еще подальше и поглубже в чашу – явно череда опор от домика-мавзолея или даже нескольких, на самом краю деревни. У одного из них Сэм обнаружил человеческий череп...

Берегом мы шли назад, подбирая ракушки, а я вспомнил виденное в магазинчике Скидегейта древнее каменное грузило с личиной. Но, конечно, ничего такого под ноги попасться не могло – хотя всякое бывает... Вскоре, совсем как во время визита Эмили Карр, следы деревни скрыл густой туман.

...А прадедом Сэма, между прочим, был сам Чарльз Иденсоо.

— — —

Вернувшись к «Нонни», мы собрали вещи и, распрощавшись, уехали... позабыв загодя купленную еду. Зато заехали к Эми Эдгарс, которая сдержала слово, изготовив мне орла. Правда, Майлер предположил, что она ставит имя отца на свои изделия. При нас же она его слегка стыдилась, чувствуя себя несколько напряженно.

По дороге назад, в Скидегейт, опять зашли в Кандлнагуай, Центр Наследия – там шла лекция, а в специально отведенном месте девушка-хайда ткала накидку в стиле «Вороньи хвосты». Не отсюда ли пришел этот дизайн к тлинкитам Ситки? Редкая старинная накидка такого типа хранится в Питере, в коллекциях Кунсткамеры...

На лекцию мы опоздали, но тема была захватывающей – о культурной значимости тотемных столбов – и поэтому я, разыскав лектора-хайда со специфическим именем Билли Иванович, измучил его вопросами. Суть ответов была следующей. Он подтвердил все сказанное ранее о столбах, добавив, что были еще

«столбы-истории», обычно включавшие элементы и персонажей тех или иных сюжетов, имеющих отношение к деревне или семейству вождя. Так, в средней части столба, стоящего в зале, он указал на мифологического персонажа по имени «Силач», индейского Геракла, который сразился с морским чудовищем с двумя плавниками и одолел его. Билли добавил, что столбы не всегда могут быть связаны с потлачами. Он также вспомнил случай, как с какого-то корабля на Хайда Гвай сбежал негр, который остался жить среди индейцев в качестве раба. Однако он сделался столь искусным резчиком, что вожди наперебой приглашали его делать столбы на заказ; тот скопил под конец такое богатство, что сам стал вождем.

По поводу аргиллитовой резьбы гид уточнил, что традиция эта началась лишь после того, как изделия понравились европейцам – лет 150 назад или чуть раньше. На аргиллитовых «столбиках» все расположено по-другому: в нижней части обычно присутствует «имя» автора. На одном из них отражена история о потопе – о том, как Ворон, рассердившись на вождя хайда, наслал потоп; но у того была волшебная шапка, она начала расти, и по ней хайда, забравшись наверх, смогли переждать ненастье.

Вечером на огромном пароме мы покидали край хайда. Паром представляет собой целый город. Нам, впрочем, рассказали, как в прошлом феврале такой же паром, «Северная Королева», потонул в проливе Гекаты – но не потому, что пролив занимает 3-е место по количеству штормов, а по головоотяпству. Капитан, подвыпив, отправился спать, поручив управление старпому, а тот пригласил подругу; оба они сильно отвлеклись, и в результате па-

ром врезался в скалу. Ни пограничников, ни спасателей поблизости не оказалось, и окрестные жители спасали всех на своих моторках. Спасли, правда, всех – кроме тех немногих, кто спустился в трюм, где в машинах остались их домашние питомцы – кошки, собаки. Эти не смогли выбраться, потому что на сигнал опасности сработала система автоблокировки дверей. Поскольку среди погибших были индейцы, теперь на всех паромах стали вешать индейский веер и рог оленя – амулеты от злых духов...

...Позже, в турпутеводителе по аборигенам Британской Колумбии я наткнулся на слова старейшины-хайда Майкла Никола Йахгуланааса: «Есть столб, подпирающий центр мира – это древо-кедр, что высится в середине Хайда Гвай». Теперь я знаю, что столб этот проходит через мое сердце.

Нова – спасибо.

Владения гитксанов

Отплыв из Хайда Гвай ночным паромом через пролив Ге-каты, в пять утра десятого июля под дождем мы высадились на материк, в городе Принс Руперт, Британская Колумбия... Кругом – туманно, сыро. Дождь сделался проливным. На английский манер, гостиницы открываются лишь с десяти. По счастью, кафе – гораздо раньше, что сильно помогло в нашем случае. В десять утра заселились в гостиничку на пирсе, «Eagle's Bluff» (Орлиный Утес). Майлер в изнеможении лег досыпать, а я отправился бродить по улицам. Жизнь крупного материкового города сразу бросается в глаза характерными приметам: с раннего утра бездомные, оборванные индейцы жмутся по улицам, подъездам, заглядывают в урны. У мэрии, присутственных зданий, да и на обочинах улиц – много тотемных столбов, раскрашенных в разные цвета, в отличие от столбов хайда, где обычно окрашиваются красным, черным и белым только знаковые детали. Все это – копии столбов, стоявших в деревнях хайда, но много и местных – когда-то здесь стояли деревни цимшианов; у этих стиль резьбы другой. Все время, с небольшими перерывами, лил дождь.

Рассудив, что потом времени у меня уже не будет, я зашел в здание городского архива, слабо надеясь на какие-либо открытия, связанные с проблематикой Русской Америки. Там порядок демократичный – назвал тему – получай материалы, надо – тебе их еще и скопируют. И внутренне поразился, обнаружив в журнале любопытную статью о легендарной достопримечательности г. Ситки! И в самом деле, до границы с Аляской здесь уже рукой подать.

Когда настал час открытия, мы зашли в Музей Севера Британской Колумбии. В обширной и многообразной экспозиции поражали доисторические каменные маски, – по стилю совсем такие же, как те, что позже вырезались из дерева. В витринах выставлены, наряду с прочим, большие медные щиты-пластины – знаки статуса вождей; игральные палочки (совсем такие, как у нас в музее г. Томска), и монументальные обрядовые свистки. *Позже я прочитал, что они применялись в церемониях приглашения гостей на праздник. Маленькие же свистки использовались в действиях, где танцоры звуками имитировали речь различных зверей. Вообще же говорю, свисток – обычно способ связи с потусторонним миром.*

Впечатлили большой раскрашенный барабан и шаманские шапки, а также крупная аргиллитовая маска Вулканной Женщины – *в мифах она выступает защитницей диких зверей, особенно ревностно относясь к лягушкам. В мифе цимшианов она уничтожает индейскую деревню в наказание за гибель лягушки, которая именуется ее «ребеночком».*

В текстах, сопровождавших экспозицию, обращают на себя внимание выдержки из мифов – в них лидируют мотивы войн и миграций. Люди Орла и Ворона наседали с юга на предков цимшианов/нишга/тлинкитов: Битвы за земли разгорались в районе территории проживания цимшианов. В частности, упоминается сюжет о двух братьях-воинах, побеждавших на своем пути все встречные народы с помощью каменной палицы, против магии которой никто не мог устоять. С войной дошли они до места слияния Скины и Балкли-реки, и тут их со всеми замирила женщина, а палица таинственно исчезла, сделавшись ненужной. Там братья

основали деревню Темлахам, которая в мифах окрестных народов выглядит своего рода обетованной землей; это событие открывает «золотой век» в жизни народа.

В облике Принс-Руперта смешались черты городка и поселка. Он был задуман как большой порт, но захирел после основания Ванкувера. Все же на набережной есть Морской парк, где стоит лодочка японского рыбака, который вышел однажды в открытое море и там сгинул. Лодку нашли год спустя – ее несло прямо на скалы Хайда Гвай. Она оказалась пустой. Таким образом, этот рыбак стал символом всех, кого взяло море, а его лодка – их общим памятником.

Наутро одиннадцатого июля автобусом мы покинули Принс-Руперт, чтобы добраться до городка под названием Террас, за 139 миль вверх по р. Скине.

Перед отправлением водитель в микрофон напомнил пассажирам, что в соответствии с законом им следует воздержаться от курения, алкоголя, наркотиков, нецензурностей и громкой музыки. Достоинo подражания!

Дорога шла вдоль берега реки, живописно протекающей меж гор и лесов. С индейского языка Скина переводится как «река туманов». Можно себе представить, что в былые времена дичи и рыбы здесь было в изобилии.

Миль двадцать по выезде из города, по шоссе №16 близ Тайи на берегу реки слева на отвесной скале можно издали различить нанесенную охрой крупную пиктограмму – личина с изображением ряда медных пластин – знак высокого статуса. Как считается, это указатель границы угодий Легая, знаменитого вождя былых

дней, чьи владения простирались далеко по округе. Пиктограмме уже свыше 150 лет.

В Террасе взяли напрокат машину; Майлер сел за руль, и в доль реки мы стали подниматься вверх по Скине.

Первой у нас на пути оказалась современная деревня Китванга, всего около 100 домов. Это деревня гитксанов. Но она казалась вымершей: день был погожий, и все разъехались либо на рыбную ловлю (как раз шел ход лосося; по дороге видно было, как индейцы загружают пикап пакетами с рыбой), либо в соседний городок смотреть матч по борьбе.

Вдоль сквозной дороги через Китвангу стоит ряд тотемных столбов. Они переставлены – когда-то располагались у самой реки, лицевой стороной к воде. Около 1926 г. состоялась кампания по перестановке столбов, и теперь они стоят спиной к реке, выставочным порядком, вдоль дороги. Возраст их примерно – с 1880-х гг., общим числом двенадцать и еще один – за деревней. Три уже упали на землю. Резьба глубже, образы объемнее, чем у хайда, и больше внимания уделяется массе мелких деталей, что характерно для цимшианов и их северных соседей-гитксанов. Там же поставлены несколько надгробий, перенесенных из других мест.

Гитксаны не считают себя цимшианами, (произносится «шимшианы»), как объяснила нам моложавая 40-летняя женщина с двумя малолетними сыновьями. Она «сняла» тут, в деревне, маленький ларек, надеясь развернуть малый бизнес для туристов – художественные фото в индейском наряде (накидки и прочие атрибуты шьет сама). Сказала, что племя не разрешает ей здесь ничем торговать, поскольку сама она не отсюда и к тому же

смешанной крови – нишга, хайда, гитксанка и кто-то еще. Однако она говорит на гитксан и нишга – это языки-родичи. Я попросил сказать что-нибудь – тут же плавно полилась речь, красивая, со множеством губных и небно-язычных звуков, сходная с птичьей. Собираю деньги на лечение младшенького, сказала она. Мы попросили сделать наше фото и расплатились. Грустно видеть вечные надежды при слабости перспектив.

Проехав дальше, мы миновали Гитвангак или Холм Битв – укрепленный форт гитксанов на Скине времен 1700-х годов. Позиция и впрямь выглядит неприступной – на крутом высоком холме в то время высился деревянный форт, обнесенный сучковатыми бревнами-препятствиями. Долгая осада такого укрепления неприятелем на враждебных территориях была попросту самоубийством. Однако же место здесь издавна бойкое: мимо пролегает межплеменная «жировая тропа»: от реки Насс на севере, где вылавливали рыбу-свечу и топили из нее жир, на юг постоянно доставлялись для торга полные короба.

После этого мы миновали городок Хээзелтон – когда-то он возник как перевалочный пункт для колесного пароходика, ходившего по реке. О том, что и здесь были индейские поселения, говорят медные памятные таблички и одинокий тотемный столб. Отсюда по гравийной дороге еще 25 минут езды – четыре километра горного серпантина – и мы у места нашего пребывания на грядущие три дня: ранчо «Трипл Крик», Тройной Ручей.

Ранчо представляет собой вместительный трехэтажный дом с конюшней, гаражом и другими подсобками, и огромной привлекающей живописной территорией, с одной стороны ограниченной рекой Балкли, что шумит далеко внизу, с другой – дорогой, по

которой мы приехали, с прочих – горами. Тут дорога и кончается. Владеют всей этой благодатью Рон и Лила Фаулер – семейная пара, живущая там круглый год. В гости к ним заходят медведи, лоси, олени, а дома живут лошади, два лабрадора и коты. Беседа о житье-бытье, хозяева поднесли нам угощение: самодельное сушеное мясо jerky, копченого лосося и копченую же рыбу-свечу (произносится – уликан, пишется немыслимо – eulachon). Конфетка!

В разговоре мы коснулись проблем современных индейцев – их поселения часто здесь именуют, как в США, резервациями. Для жизни аборигенов характерны споры, возникающие вокруг прав на льготы и материальные блага, а нежелание молодежи участвовать в плясках для туристов происходит не от гордыни, а от отвращения к коммерческому подходу. Между прочим, на территории ранчо Рон нашел однажды древний каменный нож-тесло. Нам же он обещал помочь с контактами в резервации Китсегукла.

В воскресенье, двенадцатого числа, выпал ясный солнечный день. У нас было запланировано посещение воссозданной музейной деревни гитксанов под названием ‘Ксан (“Ksan Historic Village”). Ее воздвигли у слияния рек Скины и Балкли; под экспозицию отдано несколько общинных домов, построенных в традиционном стиле. Предусмотрен также магазин и зал для церемоний и плясок – но таковых не намечалось, и, судя по всему, проходят они редко и лишь по воле самих участников. Обслуживают комплекс, конечно, сами индейцы. Всего у гитксанов четыре рода с тотемами Лягушки, Волка, Орла и растения под названием

Fireweed, которое на поверку оказалось нашим Иван-чаем. Название же оно получило оттого, что резво растет на пожарищах. В доме Лягушки развернута программная надпись:

We are a new people
We are an old people
We are the same people
Deeper than before.

/ Мы – обновленный народ, мы – древний народ, мы – все тот же люди – но глубже прежнего /

Этноним «гитксан» происходит от Git – люди, племя, народ, и 'Ksan – «туманная река», то есть Скина. В былые дни у гитксанов стояло здесь шесть деревень. *Они – родичи цимшианов, живущих ниже по реке, и по языку, и по соседским отношениям. Их даже порой относят к одному народу, но сами они настаивают на своей независимости от цимшианов. Об отношениях, родстве и предыстории окрестных народов есть немало теорий, которые остаются гипотезами. У цимшианов есть миф об основании Темлахам, поселения «золотого века», и о его падении вследствие нарушения жителями табу – оскорбления дичи, служившей им пищей. Однако, согласно теории этнографа Джорджа Вудкока, географические привязки в сюжетах цимшианов о Темлахам крайне неконкретны. «Гитксаны же, напротив, помещают Темлахам довольно точно, на северном берегу Скины. Он расположен был в обильном дичью регионе между реками Скиной и Ниссом, через которые пролегла в раннеисторические времена Жировая тропа, проходившая через все еще обитаемые поселения гитксанов Китвангу и Китванкул». Темлахам был местом встречи племен и яблоком раздора для многих из них. «Как пред-*

ставляется, из этих мифов вытекает, что гитксаны вовсе не являются поздним ответвлением цимшианов, как считали ранние антропологи, а хотя бы отчасти являются последними остатками исходного корня цимшианов, проживающими в местах, где их культура впервые заявила о себе, и откуда они распространились и к реке Насс, и к морю.» [7, р. 48].

Он же отмечает, что мифы о Темлахаме были позднее восприняты хайда и тлинкитами. Достаточно сказать, что географически наименование “Ksan” существует, помимо цимшианов и гитксанов, и у хайда на о-вах Королевы Шарлотты, и у тлинкитов Аляски, хотя там оно как будто содержательно толкуется иначе. С другой стороны, есть мнение о том, что ряд престижных родовых имен цимшианов и хайда происходит от тлинкитов – они были заимствованы с севера... С третьей – немало историй и свидетельств есть о культурных связях цимшианов и хайда. В общем, родство местных культур налицо по нескольким показателям, детали же, судя по всему, предстоит выяснять еще не одно столетие...

Комплекс ‘Ксан не случайно отстроили всего в нескольких километрах от предполагаемого мифологического Темлахам: он воплощает надежды на грядущее возрождение народа. У гитксанов Темлахам произносится чуть иначе – t’aamlaxaamit («деревня, стоящая на славной земле»). Эта мифологическая деревня, будто бы стоявшая примерно в четырех милях от нынешнего ‘Ксана, согласно мифам, была очень большой («от края до края можно было идти весь день»), и существовала очень давно, а жители ее были люди рода Огнецвета (Firewood), попросту говоря, Иван-чая; только позже в силу невыясненных причин все они рассеялись по

округе. *Согласно преданиям, гитксаны вели войны и с хайда, и с цецаутами, и с тлинкитами.*

Из музейной экспозиции следует, что гитксаны, как и масса племен побережья, ткали накидки-чилкаты; одну такую можно было сделать за год. Носила их знать – накидка являлась знаком вождя. Как выяснилось, сейчас во всей Британской Колумбии их способны ткать лишь пять человек. Однажды в Джуно, на Аляске, мне накинули на плечи такую – и как же она была тяжела! Видно, власть у индейцев не легче российской шапки Мономаха.

О традиции наследования индейских имен экскурсовод поясняет: «Мое имя, – а она юная девушка, – когда подрасту, передадут другому родичу, я же получу новое». Имена передавались так внутри одной семьи из поколения в поколение.

Примечательны и детали, связанные с авторитетной ролью «говорящей палки» – ораторского жезла: «Речь вождя нельзя прерывать. Ослушник обязан в качестве извинения задать пир собственными силами».

Относительно погребений было сказано, что прежде здесь практиковали кремацию, а с приходом европейцев стали строить мавзолейчики – погребальные домики.

Все вышесказанное говорилось в доме Лягушки. В Доме Волка, куда проследовала экскурсия, внутри сразу при входе очерчен на полу круг в метр шириной. Дверь низкая, чтоб гости сгибали спину перед хозяевами, выражая почтение, а если кто поскользнется на круге, это служит поводом для подтрунивания вождей друг над другом. Праздник-потlach (или, по местному, уик), включал в себя пышные зрелища, сюжетные действия и песни. Всем раздавали подарки в соответствии с ценой ока-

занных услуг при подготовке празднества. Как известно, на побережье такие празднества, распространенные повсеместно, являлись многозначным событием – прежде всего, подтверждением/передачей статусной роли, мерилom которой служили материальные ценности. Там же решались и деловые вопросы: кто обладает правом носить то или иное имя, которое, помимо мифологизма и магии, также имело ценностный и статусный характер. Там же демонстрировались и наиболее ценные богатства – в частности, декорированные медные пластины. В ходе действ разыгрывались родовые мифы. Например, однажды вождь ошибся, приняв крик чайки за крик куропатки – это служит поводом для целой истории. После ораторских жезлов, резные палочки меньшего размера, представленные в экспозиции – это трости-стучалки для старейшин, которые постукиванием одобряли танцоров. Свистки использовались в драматизациях мифов – для контактов с духами и миром сверхъестественного. В большие праздничные миски на таком пиру наливали суп; для подогрева камни из очага клали в короб, туда же сливали похлебку, а позже разливали в миски. После того, как правительство запретило празднества, на них продолжали собираться, но уже тайно.

Медь для холоднойковки гитксаны брали с окрестных гор; она мягкая, ее можно гнуть руками; демонстративно, торжественно сломанная на празднестве пластина после восстановления вырастала в цене многократно. Т-образная часть пластины – ее «дух», оставался цельным. Если оказывалась задета честь, вождь публично ломал медную пластину и в знак вызова вручал ее обидчику – пусть взамен ломает свою, если осмелится. Игры же, прак-

тически все с использованием палочек, были разновидностью игр в кости (bone game).

Почти все служащие музея говорят по-гитксански, но какое-то время им помогал вспоминать свой язык австралийский лингвист Брюс Ригсби, проживший среди индейцев несколько лет.

Один из столбов перед домами – тотем с великим рыбаком, поймавшим огромного налима, – представляет собой копию столба из Китванги, который мы видели гниющим на земле. Оригинал когда-то забрали в музей, пообещав заменить копией, но обещанную копию сделали из пластика, и вождь деревни не принял ее, отдав в музей 'Ксан.

В нашу задачу входило посещение и других деревень гитксанов, в частности, Киспиоха. Поэтому, покинув 'Ксан, мы отправились туда через исторический городок Хэзелтон – в прошлом приграничную станцию на Скине. Декоративная копия ходившего здесь колесного парходика стоит у причала и ныне. Городок именовался тогда Торговой факторией Хэзелтонского залива (Hazelton Bay Trading Post). На его месте прежде стояла индейская деревня, но жителей вытеснили золотодобыча, коммерция и прочие прелести цивилизации.

Киспиох (Kispioh) переводится как «Место убежища» – имеется в виду, во время войны. Это действительно тихое, укромное место у реки, и жилых домиков здесь на так много, как в Китванге. Снова вдоль дороги стоят – на сей раз лицом к реке – 15 тотемных столбов, и первый из них воспроизводит знаменитую «Плачущую женщину». Он является подлинным произведением искусства.

В мифах цимшианов Плачущая Женщина предстает лесным духом, встреча с которым сулит удачу и достаток, хотя ее сверхъестественный дар можно получить только одолев ее хитростью, решительностью и магией.

Возраст столбов, как и в других случаях, – примерно 1880-е годы. Эмили Карр, побывав здесь, писала с них этюды. Рядом видны старые надгробия вождей.

После этого мы вернулись в Хагвилгет (Hagwilget), современную индейскую деревню, где посетили мастерскую индейского резчика; тот изготавливает все, в том числе и столбы, но предпочитает современные вещи: мебель, кресла и двери; даже высылал их заказчику в Англию. Однако к этому моменту у нас сформировалось общее впечатление: в отличие от хайда, гитксаны совсем не заинтересованы в туризме, обмене информацией и в коммерческих шоу.

Вечером, на ферме Трипл Крик, мы решили спуститься к реке Балкли, замыкавшей территорию ранчо. Лесной спуск был долгим и крутым, приходилось идти осторожно. Мы прошли мимо останков индейской хижины и старых ям для хранения улова, заложенных дровами.

И вновь обменялись с Майлером мнением о том, что на индейских кладбищах (как в Хээлтоне) часть фигурных надгробий повреждена. Эти надгробия интересны тем, что с появлением более прочных инструментов индейские резчики стали работать по камню, применяя к надгробным скульптурам те же приемы, и результат получился довольно своеобразным. В количественном отношении такие надгробия видны повсюду: спрос был несомненным. *По многим надгробиям, исходя из дат жизни*

и смерти, можно судить, что старое поколение было долгожителями. Эмили Карр вспоминает о чем-то подобном в своей книге «Кли Уик». Бродя по индейскому кладбищу, она неоднократно встречала слово IPOO рядом с именем умершего. Выяснилось, что это – цифра 1900, причем вторая – перевернутая цифра 9, а дата смерти была, таким образом, проставлена для всех та же – 1900. Какая разница? Все равно это стало обозначением смены двух эпох. Карр обобщает: «Здесь считают время столетиями» [2].

На следующий день утром (тринадцатого июля) Рон, натягивая свои старые джинсы, прокомментировал: «Это мои штаны для церкви» – «Почему?» – «Потому что они “holy”» (игра слов: по-английски «святой» и «дырявый» – пишется и произносится так же). Попутно Рон советует запекать лосося в двух слоях фольги. Внутри следует класть лимон, перец, свежую мяту и соль. А еще можно попробовать приготовить подкопченного лосося в сиропе...

Резервация Китсегукла («Люди с горы «Рыбья голова») расположена вдоль реки того же названия. По звонку Рона нас встретил Дон Рассел, местный житель – правда, выходец из Китванкула. Сам он – вождь рода Зимородка. Поздоровавшись с суровым видом, он заявил о своей роли сегодняшнего гида: «Я это делаю в знак одолжения для моего друга Рона». В ходе дальнейшего рассказа он нередко приговаривал: «Вон о тех и об этих столбах я вам не могу рассказывать, потому что о них могут говорить только вожди-владельцы».

Все гербовые эмблемы (то есть знаки родов), составляющие деревню, изображены на стенах Начальной Школы (Elementary

School) – это работа Сэма Уэсли, талантливого резчика, основателя музейного комплекса 'Ксан. Он же сделал герб и для Дона – за 500 долларов. Теперь Уэсли спился.

Китсегукла – деревня гитксанов, но не гомогенная – там живут «семейными домами» группы из разных деревень. Раньше деревня располагалась ближе к реке, как и столбы. Но по-прежнему, через год по смерти вождя, в его память здесь ставят мемориальный столб.

Дон жаловался, что зарабатывать людям деревни нечем; экономической структуры тут нет. Многие жители продавали свои столбы туристам, музеям, коллекционерам. Те, что на фото 1974 года еще стоят, мы увидели уже поверженными. Говоря о них, Дон подтвердил, что бывают «столбы историй», посвященные событиям жизни вождя, а мемориальные включают не сюжеты, а только эмблемы. При некоторых тотемных столбах в Китсегукле стоят и могильные камни-надгробия, но перенесенные, без останков; традиционно здесь вообще сжигали тела в ямах. Недалеко от въезда в деревню высятся два столба-близнеца, по стилю резко отличные от прочих, но один из них – как раз состоит из «историй», а другой – мемориальный; оба воздвигнуты в честь вождя Ханамуха.

В Китсегукле помнят примерно три поколения имен – может, четыре. В частности, Дон поведал о недавнем случае, когда жители отказались от передачи наследственного имени – из-за того, что после такой передачи наследник, проносилв его год, умер; его преемник тоже умер год спустя, и тогда все решили – должно быть, тут что-то неладно с самим именем – и предали его забвению. Дон показал еще столбы, принадлежавшие памяти его

деда, правда, не объяснив символики. В числе гербовых эмблем в Китсегукле – подводный медведь с двумя плавниками, гусь и зимородок. Я спросил Дона – как ему удалось сохранить родной язык – и он ответил, что когда всех детей забирали в школы, его с братом родичи спрятали.

Потом мы заглянули в контору племени. Туда зашел какой-то гитксан, и, взглянув на нас с опаской, спросил: «Вы, случаем, не инспекторы?». Мы представились туристами, и тот успокоился. В это время как раз заседал совет вождей. Дон представил нас самому толстому вождю по имени Скикумлаха – имя перевели (может, в шутку) как «Наиважнейший». Мы договорились встретиться с вождями в 14.30, и отправились в Китванкул. Там мы, конечно, застряли, так что вернулись в Китсегуклу, когда все вожди уже разошлись. Впрочем, согласно обещанию, в офисе резервации мы все же встретились с вождем Скикумлахой и его секретарем Бернадетт.

В целом беседа шла о том, что гитксаны Китсегуклы по-прежнему находятся по отношению к правительству на положении подопечной нации. «В этой горе, – указал вождь на Рыбью гору – скрыты золото, минералы, а в полях, говорят, есть нефть, но у нас нет денег на геологоразведку. На нашей территории ведутся порубки – и все без спроса». Поэтому гитксаны борются за право владения собственной землей и за признание этого права. Аргумент при этом традиционный: «Ведь мы жили здесь до прихода белого человека». Ныне в резервации проживает примерно 900 гитксанов. Бернадетт рассказала, что прошла подготовку на учителя языка и традиционной культуры, и с сентября заступает на работу в Китванкуле, откуда происходит. Я сказал, что теперь

у нас в России возникло много похожих проблем, в частности, проблема памяти о собственном прошлом, и что я приехал учиться у них опыту выживания культур. Скикумлаха, недавно избранный вождем, в шутку объявил, что за такую информацию он готов принять от нас 1000 долларов. А вот Бернадетт строго допросила о том, что мы собираемся делать с полученными от них сведениями. Тщательно записала, кто мы и откуда, по ходу беседы постоянно делая заметки. Со своей стороны, она с горечью рассказывала об алкоголизме, проблеме наркотиков и о самоубийствах на этой почве.

В офисном туалете я увидел на стене плакат: «Алкоголь – это смерть твоей культуры». Да, и не только индейской, подумалось мне.

Среди других деревень гитксанов Китванкул выделяется каким-то запасом жизненной прочности и повседневной активности. Прежде деревня именовалась Git-an-yow, «Деревня, обильная людьми». Как и везде, вдоль главной дороги выстроился ряд тотемных столбов. Здесь все они – полны экспрессии, первоклассной работы, а вокруг, по всему поселку расставлено немало других; поодаль видны и погробальные домики-мавзолеи. Есть здесь и неплохой музей, своего рода живой центр культуры. Как и в Китванге, рядом имеется мастерская резчиков.

Деревенский музей здесь маленький, но ухоженный, хорошо организованный. Музеем заведует Деби Гуд, наследственная «вождиня» из рода Лягушки; до нее этот титул принадлежал матери, как прежде был достоянием ее матери. В настоящее время Деби готовит дочь к той же роли. По свидетельству Карр, побывавшей

в Китванкуле, «Материнское начало здесь всегда в силе». Деби избрали три недели назад. Чтобы номинироваться, необходимо знать родной язык, культуру, законы племени и территориальные владения.

Что касается музея – он новый, построен в 2001 году, а часть столбов поместили внутрь только в прошлом ноябре (2008 г.). Время запретов, связанных с ассимиляторской политикой государства, коснулось Китванкула в 1955-57 годах. Но столбы тогда прятали, а те, что правительство все же забрало – «вернули» иным образом, в виде книги. *(Имеется в виду Уилсон Дафф из Музея Провинции Британская Колумбия, автор нескольких книг, в том числе книги, составленной из устных преданий жителей Китванкула, «Histories, Territories and Laws of the Kitwancool» [3] – книжечка тонкая, но очень насыщенная. Наряду со множеством других редких сведений, там говорится о манере торжественного красноречия: вождь никогда не выступает на публике сам, но лишь присутствует, а от его имени говорит другой вождь. Там же рассказывается история происхождения наиболее известных столбов деревни, изложены территориальные права и обычаи племени. Гитксаны хорошо приняли Даффа, и он их любил. Позднее этот ученый по неизвестным причинам покончил с собой).*

Между прочим, в музее есть стенд о пребывании в деревне Эмили Карр. Среди прочего, Деби поведала нам и о некоем Джиме из Китванкула, который скрывался от Королевской Конной Полиции в течение полугода. *В своей книге «Кли Уик» в главе о Китванкуле Карр рассказывает о каком-то другом индейском «смутьяне», только что выпущенном из тюрьмы, которого жи-*

тели встретили ликованием. Он переводил речь Карр индейцам, пока художница гостила в деревне. Вообще говоря, еще тогда китванкульцев отличало сильное чувство независимости. Полицейские говорили Карр, что «С китванкульцами всегда одни только заботы. То выгонят миссионеров из деревни. То набросятся на инспекторов-геодезистов с топорами – просто не желают видеть белых людей в своей деревне. А как вас они принимали?» – «Превосходно» – отвечала Карр [2].

По словам Деби, столбы рода Лягушек раньше стояли по одну сторону деревни, Волков – по другую. Истории, запечатленные на столбах, являются собственностью каждого рода. Их нельзя обнародовать, в том числе и потому, что они объясняют права рода в целом и права на земельные угодья в частности.

Правда, устным путем, в ходе самой экскурсии, кое-что удалось разузнать – в частности, нам поведали о трех столбах.

СТОЛБ ЛЕТЯЩЕЙ ЛЯГУШКИ. Сюжет: девушку похищают лягушки, она живет среди них, а когда отец отправляется вернуть дочь, та отказывается возвращаться, поскольку у нее уже есть дети. Отсюда род получил право на эмблему Лягушки.

СТОЛБ «ОРЕЛ ПОТОПА». Сюжет: во время потопа люди спасались на вершине горы, а орел, опустившись туда с небес, указал вождю, где позже следует основать деревню.

СТОЛБ «ДЫРА ВО ЛЬДУ». Сюжет Деби может воссоздать по изображениям лишь частично. В одной деревне люди недостойно обращались с рыбой, попросту говоря, изводили ее. Творец решил наказать их – и рыба ушла совсем. Дело было, очевидно, зимой, поскольку весь род собрался у проруби. Люди голодали, и тогда Творец, пожалев их, послал сверху Волка, который, обра-

тившись к людям, сказал, что если они больше не будут никогда обижать рыб, те вернутся. Это – знаменитый столб, своего рода «марка» Китванкула.

Из всего сказанного о «столбах историй» можно сделать вывод о наличии сильного устного контекста, в связи с чем для изображения, в соответствии с традиционным менталитетом, достаточно лишь отдельных образных «блоков». Это кое в чем аналогично мнемоническим палочкам хантыйского медвежьего праздника или пиктографии хроник индейцев оджибве, или же пиктограммам степных племен.

На столбах внутри музея горизонтально изображена, среди других образов, росомаха – довольно редкий образ в контексте монументальной резьбы. Внутри музея, естественно, можно было поместить только секции столбов, хотя традиционные дома обычно делали вместительными – 30 на 60 футов, реже 40 на 80.

В китванкульской резьбе поражает точность линий и гармония части и целого, причем повторения и вариации элементов создают четкость ритма – таких особенностей стиля нам нигде больше не встречалось.

Четырнадцатого июля был вторник. С утра мы простились с Роном и Лилой, расписались у них в книге постояльцев, оставив отзывы. Рон вложил нам на дорогу пакетик с уликанами, зная, как они мне понравились.

На обратном пути мы решили снова заехать в 'Ксан – не удастся ли как-нибудь уточнить происхождение образа Плачущей Женщины? В частности, того образа, что мы видели на столбе в Киспиохе, где она плачет, держа в руках куропатку. Молодая

экскурсовод-гитксанка поведала свою версию. «Жила-была женщина с тремя детьми: мальчиком и двумя старшими сестрами. Пришел голод, и мальчик стал слабеть, так что старшим сестрам пришлось отправляться на охоту. Долго, слишком долго они искали добычи, и наконец, подстрелили куропатку (или гуся). Но когда пришли домой, было уже поздно: братик их умер». Поэтому в изображении перед нами – образ женщины, плачущей по сыну и по куропатке одновременно – символ Мировой Матери. Мне не кажется это единственной версией мифа и образа, но все же и такая, как видно, существует.

Та же девушка поведала нам о происхождении образа подводного медведя – об этом есть в книге F. M. P. Robinson “Visitors Who Never Left”.

Вожди деревни в Темлахаме собирались на сход, а дочери шли следом. По пути они увидели рыбы кости, и дочь вождя надумала сделать из них красивый головной убор. Другим тоже понравилось, и они сделали такие же. Вожди похвалили их и гордились этой выдумкой. Но по возвращении домой из вод поднялся подводный медведь с плавниками на спине – т.е., он заключал в себе рыбьего духа) и истребил эту деревню. Люди были наказаны за нарушение одного из важнейших законов народа: не оскорблять источника своей пищи [4].

А дальше нас ждал обратный путь: машиной до городка Террас, оттуда – самолетом в Ванкувер.

Проведя там славный вечер вместе с друзьями, канадскими литературоведами Дэвидом и Мэриэнн Стоук, наутро мы отправились на встречу с Биллом Ридом – то есть, с его галерсей-музеем. Она создана недавно и посвящена не только ему, но аборигенному

искусству Северо-Западного побережья в целом и, соответственно, сочетает в себе постоянную и сменные экспозиции. Очевидно, поэтому не все работы Рида присутствуют там, а кое-что – только в этюдах и копиях. Нет в экспозиции и его эстампов. Зато ювелирка представлена очень богато, в частности, знаменитое ожерелье «Млечный Путь». Как-то раз Билл Рид вырезал чашечку из кусочка школьного мела – и тогда понял, что способен делать ювелирные изделия. Своему мастерству он обучался сначала в Канаде, а позднее и в Европе. Теперь, осмысляя его творческий путь, выделяют три периода: «до-хайда» или период исканий; собственно хайда (нахождение стиля и идентичности) и пост-хайда, когда Рид вобрал в себя эстетическое наследие всего аборигенного побережья. Некоторые вещи ему помогали завершить уже его ученики. Билл Рид, как известно, оставил после себя также ряд книг, статей и эссе.

Сильнее всего в музее – монументальная композиция «Тайнственные посланники» (“Mystic Messengers”), созданная по заказу компании Телеком в Барнаби (рядом с университетом Саймон Фрейзер). Они хотели разместить ее на фасаде офисного здания, но потом отказались от этой идеи. «Посланники» – вытянутая лента взаимосвязанных языками тотемных звериных персонажей – успешно сочетает идею речи как естественной взаимосвязи человека и природы, духовного таинства коммуникации и языка как средства общения культур. Теперь этот рельеф венчает вход в столичном «Музее Цивилизации» в Оттаве.

Обслуживают галерею в основном индейцы (в частности, продавщица в музейном магазинчике оказалась родственницей Сьюзан Пойнт).

Позже, по завершении встречи с индейцами Британской Колумбии, состоялась еще наша с Майлером поездка к нему в городок Каслгар, к духоборам – это прекрасная история, также имеющая давний след в жизни и в душе, но все же другая история.

А эту следует завершить индейской нотой. Конечно, в международном аэропорту Ванкувера стоит монументальная композиция «Таинственное каноэ» Билла Рида, ставшая символом всей Канады. Но во внутреннем аэропорту высятся две монументальные фигуры «Приглашающих на праздник», мужская и женская, выполненные в 1986 году скульптором Джо Дэйвидом из племени Ну-ча-нулт (нутка). Такие фигуры традиционно вынимались из хранилищ и ставились перед деревней у самого берега, по особым случаям, когда оттуда, с воды, ожидали прибытия гостей: фигуры служили символом гостеприимства. Здесь, во внутреннем аэропорту Ванкувера, они стоят постоянно как символ истинно канадского духа, взывая к возвращению и обновлению связей, живущих в сердце всякого общения.

Приложения

Бакланий головной убор Сен'арэта

В просторном мифе цимишианов с материкового побережья, проживающих в низовьях реки Скина напротив Хайда Гвай, есть сюжет о Плачущей Женицине (она же Вулканная, Горная Женицина, Женицина-Лягушка и Женицина Богатства), причем героями являются хайда и местом действия является Хайда Гвай.

Миф этот приводит известный канадский фольклорист Мариус Барбо со ссылкой на «недавнюю запись, сделанную Уильямом Бейноном от Миссис Хелен Клифтон и миссис Робинсон из Хартли-Бэй» – по-видимому, в 1950-60-х гг. Приведем только часть этой мифологической саги, относящейся к Плачущей Женицине. Сына знатного вождя Барбо именует «принцем» [1].

Все представители рода Орлов связаны между собой: те, что живут среди Хайда, Гит'амат, Гитсалас и Нишкэ, из группы Гитроон. Вот миф об их происхождении.

В деревне хайда, известной под именем Тсигуа, жил великий вождь со своими людьми. Как-то раз племянник вождя вместе с четырьмя спутниками отправился на ловлю форели вдаль от деревни, и намеревался там заночевать. Когда они были в пути, человек, сидевший на носу лодки, глянул на воду и видит: в воде показался прекрасный головной убор, и был он похож на живого баклана. Человек взял свое удилище, подцепив, поднял убор в лодку и положил перед принцем, который тут же надел его. Сде-

лав это, он объявил: «Баклан – герб нашего дома. Отныне этот головной убор принадлежит нам». И он стал носить его.

Принц и его спутники продолжали плыть до тех пор, пока не добрались до места, где собирались ловить форель. Им достался богатый улов. К ночи часть рыбы они почистили, насадили на жерди и поставили на огонь жариться. Только принц собрался есть свою форель, как явилась маленькая лягушка, прыгнула на большой лист, служивший блюдом, и тем сильно раздосадовала принца. Он отбросил лягушку в кусты и взял другую жареную рыбку, чтобы поесть. Но только он собрался сделать это, как маленькая лягушка вновь прыгнула к нему на тарелку. На сей раз принц рассердился и отшвырнул лягушку прочь. Он опять взял другой листок, новую форель и собрался было отведать ее, как тут опять маленькая лягушка прыгнула к нему на тарелку. Теперь он был так разгневан, что, схватив лягушку, бросил ее в огонь, примолвив: «Вот что тебе полагается за наглость!» Потом доел свою форель.

Когда же встали лагерем на ночь, юные рыболовы услышали голос плачущей женщины, которая все причитала: «О дитячко мое, дитячко! Что вы сделали с моим дитячком? Отдайте мне его одежду, и я успокоюсь!» Сначала плач слышался словно бы издалека. Потом он приблизился. К рассвету плач уже слышался совсем рядом, очень настойчиво. Тогда молодые люди, сильно встревоженные, стали поспешно готовиться к отплытию, решив вернуться в свою деревню.

Принц сидел на корме лодки. Когда она отвалила от берега, молодые люди увидели молодую женщину, подбежавшую к кромке воды с криком: «Возьмите меня с собой! Придите же, возьмите

меня с собой!» Рыбаки повернули к берегу, но едва лодка приблизилась, как молодая женщина исчезла в лесу. Поэтому люди в лодке поплыли дальше своей дорогой.

Вскоре молодая женщина вновь явилась на берегу и воззвала к ним: «Возьмите меня с собой, чтобы я была рядом с моим дитяtkом!» Снова юноши повернули, чтобы забрать женщину, но подойдя к берегу, увидели, что та вновь пропала в лесу. Поэтому молодые гребцы продолжили свой путь. И снова молодая женщина, появившись, воззвала: «Возьмите меня в лодку! Мне нужно найти свое единственное дитя!»

Принц крикнул в ответ: «Ты только дуришь нас. Мы не вернемся за тобой».

И они продолжали плыть. А женщина шла следом по берегу, зывая: «Придите же, возьмите меня к себе в лодку! Мне нужно найти своего сыночка, моего единственного сыночка!»

Но юноши лишь продолжали мерно грести.

Тогда женщина вскричала: «Как доберетесь вы до первого мыса, носовой гребец на вашей лодке упадет замертво. Как достигнете вы второго мыса, гребец, сидящий следом, упадет замертво. А когда достигнете вы следующего мыса, гребец в середине лодки упадет замертво. А когда доберетесь до мыса у самой деревни, и рулевой ваш упадет замертво.

А после, причалив, как только расскажете, что случилось с вами, и ты, принц, также падешь мертвым. И все оттого, что вы погубили мое единственное дитя, и не вернули мне наряда, что он носил».

Теперь юноши гребли очень быстро. Но, едва поравнялись они с первым мысом, как человек на носу лодки, откинувшись

навзничь, упал замертво. Когда достигли они следующего мыса, человек, сидевший за ним, также упал замертво. Гребец, сидевший в середине, упал навзничь, едва только они поравнялись со следующим мысом. А когда прибыли к последнему мысу у самой деревни, и рулевой также упал замертво.

Когда лодка причалила к берегу, сбежался весь люд. Увидев юношей мертвыми, все стали расспрашивать юного принца о том, что случилось с ними. Долго, долго хранил ответ принц, ибо знал: то, что случилось недавно с его спутниками, случится и с ним. Но спустя долгое время он все же поведал им правду и показал Бакланью Шапку, что они нашли. Он надел ее, и едва только окончил свой рассказ, как тоже упал мертвым.

Люди поняли, что скоро должно случиться нечто ужасное. Шаман сказал вождю: «Маленькая лягушка, которую сжег принц, была духом, нарнорхом. Теперь всей деревне следует ждать расплаты». Сразу жители принялись укладываться, чтобы наутро покинуть деревню. Но той же ночью, пока все спали, с гор скатился огромный огненный шар. Прежде чем жители сумели спастись, вся деревня сгорела, и они погибли.

Рядом с деревней была потайная пещера, в которой уединялись девушки, достигшие брачного возраста. Там за ними ухаживали их тетушки или бабушки. И случилось так, что в то время одна старуха с молоденькой девушкой находились в пещере, которая служила еще и тайником для богатств вождя – такого добра, как медные щиты, тюленьи шкуры, накидки из выдры, тканые одеяла и все прочие тайные ценные вещи. Другая пещера по соседству служила хранилищем для еды, которой пользовались племена. В ней было полно еды. Выйдя из пещеры, старуха увидела,

что вся деревня погибла. В живых остались только они с девушкой. Тогда она села на землю и затянула похоронный плач...

/ В версии хайда, приводимой Джоном Суонтоном со ссылкой на Ф. Боаса, Женщина Богатства именуется Джилакуонс (Djila'qons), она является предком-покровительницей всех Орлов.

Вождь фратрии Орлов с девятью спутниками ловит рыбу удилищем, но его бакланья шляпа падает в воду, едва только начинается поклевка. Это повторяется многократно, и раздосадованный вождь проклинает воду, оскорбляя Джилакуонс. В эпизоде с трапезой явившуюся лягушку просто бросают в огонь, после чего следует ряд зловещих пророчеств: человек с берега аналогично предрекает смерть гребцов. Другой – гибель всей деревне от пожара. Тюлень, вынырнув из воды, пророчит: «Эта туча похожа на смерть вашей деревни». Деревня вскоре гибнет в огне, после чего из вод выходит Джилакуонс со своим жезлом и, отбивая такт, затягивает похоронную песнь-плач, «Ах, они б добились богатства, не обидь меня!». В живых остается одна девушка, достигшая брачного возраста, по имени Звонкое Достояние (Sounding-Property); Джилакуонс находит ее, и впоследствии та становится матерью, от которой происходят четыре ветви фратрии Орлов. /

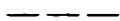
Согласно источникам хайда, все люди фратрии Орлов происходят с южного острова Хайда Гвай, где они вышли из утробы Джилакуонс, и разделились на семьи, а предки фратрии Воронов происходят от Пенной Женщины.

Сюжеты значительной части мифов хайда, цимишианов и гитксанов повествуют о нарушении табу на пищу и о наказании

за это. Еще одно распространенное сюжетное поле – мистическое приобретение родом каких-либо регалий, вроде описанного головного убора. Часто оба сюжета связаны: за обретение сверхъестественной святыни приходится дорого расплачиваться, прежде чем равновесие между земным и потусторонним мирами будет восстановлено.

Речи, произносимые на празднестве, когда поднимают столб в честь усопшего

Идея тотемного столба, можно сказать, является стержневой в картине мира племен Тихоокеанского побережья Северной Америки. Это хорошо иллюстрирует обрядовый текст речи тлинкитского вождя, произносимой при установке мемориального столба в честь умершего родича. Опубликованный Дж. Суонтоном в 1909 г., он был записан в поселке Врангель, Аляска, от Катисана [6].

Однажды утром, с рассветом, вождь, который намеревается поставить столб и задать празднество, как бы велик он ни был, проходит селением вдоль всего ряда домов, напевая траурные песни. Тогда люди видят, какая случилась беда, и очень ему сочувствуют. Памятный столб словно бы приносит к нему все воспоминания об ушедшем. Теперь настает пора припомнить историю о Вороне.

После этого вождь останавливается в таком месте, откуда его слышно всей деревне... Затем он начинает такую речь: «Братья отца моего, деда мои, те, от кого я происхожу, предки мои, деда моей матери. Говорят, что много лет назад этот мир не имел дневного света. Тогда-то некто проведал, что дневным светом владеет Насс-шаки-йел, и скоро-скоро отправился к его дочери. Когда он родился, стал плакать, выпрашивая дневной свет, которым владел его дедушка. Тогда дед даровал его ему. В то время его внучек принес свет всем бедным людям, которых создал в этом мире. Он сжалился над ними. То же происходит и со мною. Тьма

пала на меня. Ум мой недужит. Вот потому-то я ныне прошу вас о свете, деды мои, братья отца моего, от кого произошел я. Предки мои, моей матери деды. Не даруете ли вы мне дневного света, как Насс-шаки-йел даровал его своему внуку, дабы день забрезжил надо мною?»

/ Тут люди, к которым он обращается, отвечают: “Ye Kugwati”, что означает: «Мы сделаем это». Говоря, будто он «окутан тьмой», оратор имеет в виду, что столб еще не установлен, и говорит, что, установив столб, вместе с ним ему даруют и свет /.

После того, как столб установлен, он говорит: «Вы принесли мне солнечный свет». По окончании этой речи все оказывают вождю величайшее почтение и ведут себя очень тихо. Даже детям не дозволяется говорить чего-либо неподобающего.

Вечером в день поднятия столба устраивают пляску...

По окончании пляски вдовец или кто-нибудь из семьи вдовы, поднимается и говорит так: «В первоначальные времена был потоп Насс-шаки-йеля. Жалкой был участь всех, испытавших это. Все дома их дядей и столбы их дядей унесло прочь. В те времена, однако, Подземная Старуха сжалилась и заставила потоп отступить. Ты был подобен им, пребывая в трауре. Дома твоих дядей и столбы их унесло потоком. Они уплыли прочь из этого мира. Но ныне твои деды заставят воды отступить, подобно Старухе Внизу. Ты был подобен умирающему от холода оттого, что случилось с тобою.

Все доски пола твоего подняла стоймя сила потопа. Ныне же они вновь легли на место. Был разожжен костер ... в надежде, что он тебя согреет».

Затем человек, воздвигающий столб, поднимается и говорит: «Благодарю вас, деды мои, за ваши слова. Я словно был

подхвачен великим потопом. Но ныне ваши слова заставили потоп отступить. Дома дядей моих вынесло на берег; они встали на славном месте. Ваше доброе слово уложило вновь, как прежде, доски моего пола. Прежде мы словно бы замерзали. Но теперь, когда вы разожгли костер, нам станет тепло. Благодарю вас за сделанное вами. Слова ваши развеяли наше горе. Это все.»

Данный отрывок – малая часть пространного текста, приводимого Суонтоном, который воспроизводит обрядовое красноречие тлинкитов, типичное для праздника-потлача в честь усопшего предка. Вся ораторская часть праздника состоит из речевого диалога вождя, утратившего родича, и представителей других родов, которые от имени своего рода, выражая сочувствие, подтверждают и права самого вождя, и общеплеменное единство. Речь каждого строится по той же модели: чувства соболезнования выражаются развернутой метафорой-сравнением с мифологическим прецедентным сюжетом былых дней. По-видимому, та же речевая структура аналогична для сходных событий у многих племен тихоокеанского побережья.

Оживший образ

Специальных текстов о том, какое место в жизни аборигенов Хайда Гвай занимала монументальная резьба, не сохранилось. Однако интересно, что в тлинкитском сюжете об «индейском Пигмалионе», записанном Джоном Суонтоном, рассказывается именно о происшествии с вождем хайда [6].

Один юный вождь с островов Королевы Шарлотты женился, но вскоре после того жена его занемогла. Тогда он стал всюду разыскивать сильнейших шаманов. Если в какой-то деревне жил особенно сильный шаман, он отправлял за ним лодку. Однако никто из них был не в силах ему помочь, и после долгой болезни жена его умерла.

Ну, а юный вождь тяжело переживал потерю жены. От селения к селению странствовал он в поисках наилучших резчиков, чтобы заказать им образ своей жены, но никто так и не смог сделать ничего похожего. А все это время в его собственной деревне жил резчик, который мог резать по дереву искуснее прочих. Однажды этот человек подошел к вождю и сказал: «Ты странствуешь от деревни к деревне, чтобы заказать деревянный образ своей жены, и не можешь никого найти, так ведь? Не раз видал я вас вместе с женою. Я никогда не всматривался в ее лицо, не думая, что тебе понадобится просить его вырезать, но готов попытаться, если ты позволишь».

Потом резчик принес кусок красного кедра и начал на нем трудиться. Когда он закончил, то отправился к молодому вождю и сказал: «Теперь ты можешь пойти взглянуть на нее». Он облачил

ее в те же одежды, какие видел прежде на молодой женщине. И вот юный вождь отправился с ним, и когда вошел, то увидел свою умершую жену – она сидела точь-в-точь такая же, как была. Он был очень счастлив и взял ее домой. Потом вождь спросил резчика: «Сколько я должен тебе за работу?» – а тот ответил: «Сколько пожелаешь». Резчик пожалел вождя, который так тосковал по жене, и сказал: «Я сделал это, потому что мне стало жаль тебя. Поэтому не плати мне слишком много». Тот, однако, заплатил резчику хорошо – и рабами, и всяким добром.

Потом вождь обрядил этот образ в одежды своей жены и в накидку из куньих шкур. Ему казалось, что жена вернулась к нему, и он обращался с образом как с живым. Как-то раз, когда он сидел, горюя, совсем рядом с изображением, он почувствовал, как оно чуть подвинулось: жена также сильно его любила. Сначала он подумал, будто движение ему только почудилось, но он следил за образом ежедневно, потому что думал: когда-нибудь тот оживет. Когда вождь ел, всегда сажал изображение рядом с собою.

Прошло время, и вся деревня прознала, что у него есть этот образ, и люди ходили поглядеть на него. Многим казалось, что это живая женщина, пока они не подходили вплотную.

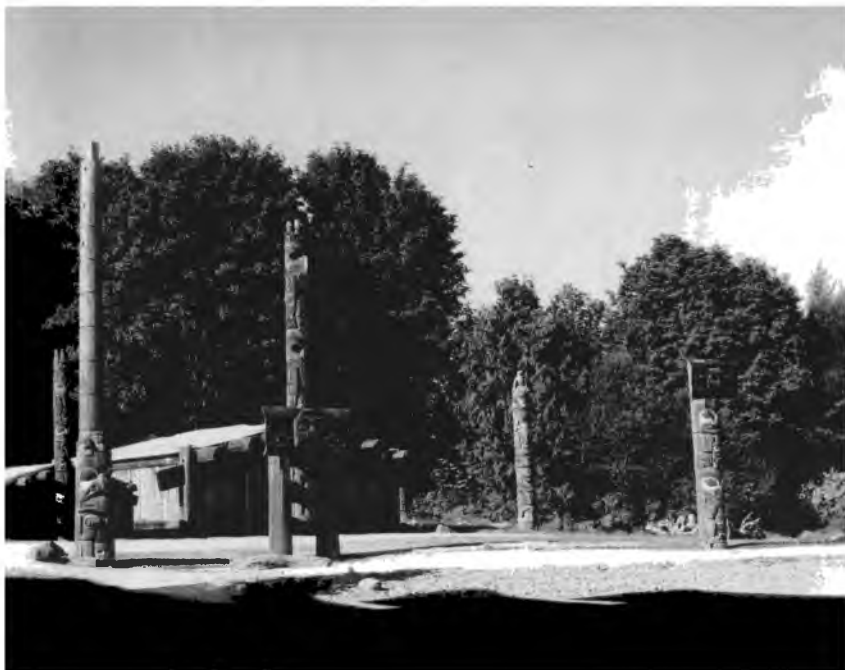
Как-то раз, после того как образ пробыл у вождя уже долгое время, он осмотрел тело и увидел, что оно совсем как человеческое. Все же, хоть оно было живым, не могло ни двигаться, ни говорить. Однако еще через время в груди образа раздался звук, подобный треснувшему дереву, и вождь понял, что образ занедужил. Когда же он велел сдвинуть его с места, все увидели маленькое кедровое деревце, выросшее из пола. Ему дали вырасти в очень высокое древо; и вот почему кедры на островах Королевы

Шарлотты столь хороши. И когда люди в той стороне в поисках красного кедра находят особенно хороший, они говорят: «Этот выглядит совсем как младенец жены вождя».

С каждым днем образ молодой женщины все больше походил на человеческий, и услышав об этом, люди из ближних и дальних деревень приходили поглядеть на него и на юное дерево, что росло там, и сильно дивились. Женщина могла двигаться лишь совсем чуть-чуть, и так и не смогла говорить, но все, что она хотела поведать, муж ее видел во снах. И благодаря снам он понимал, что она говорит с ним.

Переводы с англ. А.В. Ващенко

Фотографии

Ванкувер, Музей Антропологии университета Британской Колумбии. Деревня хайда, воссозданная Биллом Ридом и другими индейскими резчиками

Карта островов Королевы Шарлотты (Хайда Гвай)

Вид деревни Тану в 1880-е годы

Место бывлой деревни Камшуа. Вид на реку из домика смотрителя

Дерево, вросшее в тотемный столб. Камшуа

Шаманский остров у деревни Камшуа

Вид былой деревни Скеданс летом 2010 г.

Разрушенный погребальный столб в деревне Скеданс

Мемориальный столб деревни Скеданс

По пути из Скеданса: морские львы

Мемориальная табличка на месте древней деревни. Горячие Ключи

Шон Янг рассказывает о былой славе Тану

Обрушенная притолока. Деревня Тану

Здесь покоится Билл Рид, скульптор и график хайда

Сосны скрывают подступы к деревне Чаатл

Капитан Арч. Позади – «Откровение – 1» у деревни Чаатл

Капитан Арч и Маргарет в рубке «Откровения – 1»

Фронтальный столб с изображением москита. Деревня Чаатл

Музейный комплекс «Центр Наследия хайда»

В гостях у резчика Нормана Прайса в деревне Скидегейт. Справа - профессор Майлер Уилкинсон у столба «Плачущая Женщина»

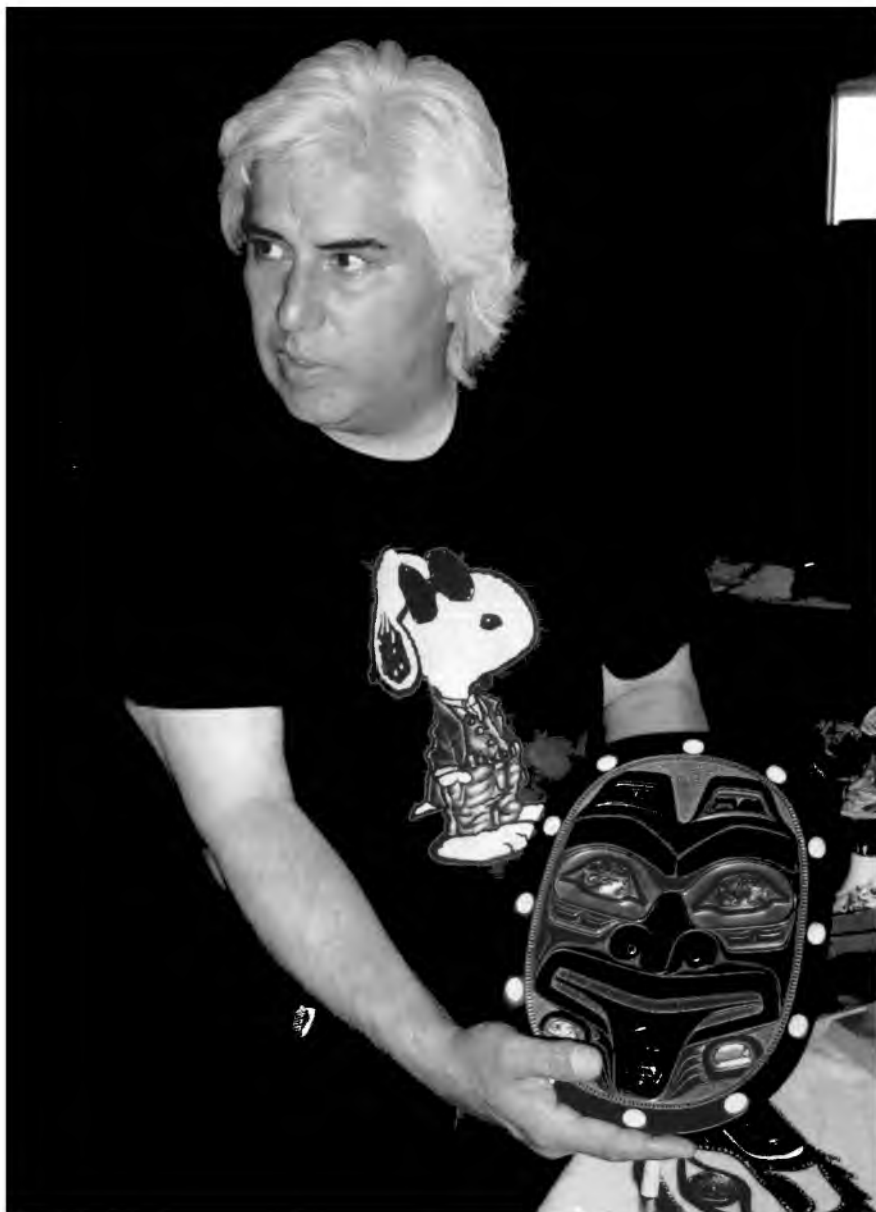
Вид бывшей деревни Ян

Старый рыболовный катер хайда в поселке Нью-Массет

Новый тотемный столб у муниципального здания в Нью-Массет

Юджин Дэвидсон демонстрирует аргиллитовую маску
Вулканной Женщины. Олд-Массет

Энди Уилсон с традиционным барабаном. Центр Наследия хайда

Паром через пролив Гекаты. Прощай, Хайда Гвай!

Поверженный столб «Великий рыбак» в деревне Китванга

Надгробие вождя фратрии Ворона на кладбище близ Хэзелтона

Майлер Уилкинсон с индейскими детьми в деревне Китванга

Дом Фаулеров на ранчо Трипл-Крик

В гостях у Рона и Лилы Фаулер

«Плачущая Женщина» из деревни Киспиох

Дон Рассел, вождь рода Зимородка, и Майлер в резервации Китсегукла

Лежащий столб, собственность деда Дона Рассела. Китсегукла

Школа с эмблемами всех родов, проживающих в Китсегукле

Вождь Скикумлаха и его секретарша в офисе резервации Китсегукла

Воссозданная музейная деревня 'Ксан

В этих местах стояла мифологическая деревня Темлахам

Столб Дыра-во-Льду. Китванкул

Столб «Ским-Сим и Уилладау», Китванкул

Тотемы, стражи памяти Китванкула

Ванкувер. Галерея Билла Рида и искусства Северо-западного побережья

Билл Рид. «Мистическое каное», иначе «Дух Хайда Гвай».
Эта скульптура стала символом Канады

«Приглашающие на праздник»: скульптуры Джо Дэйвида из племени нутка

Картины Эмили Карр

Тотемные столбы Китсеюклы (1912)

Великий Ворон (1931)

Побежденные (1930)

Плачущий тотем (1928)

Скидегейт (1928)

Тотем «Мать». Китванкул (1928)

By way of an afterword

"A pole that holds the world", the title of the present little book, calls for a brief explanatory note.

My personal encounter with the cultures of the Haida Gwaii and the Gitskans in the summer of 2010 proved to be so meaningful and significant that it called for a story, which had to be told here. Let me say, first and foremost, that were it not for my good friend of many years, Professor Myler Wilkinson of Selkirk College, this journey, so full of discoveries, would never have materialized. Thus, the book is dedicated to him.

This story, which is partly a travelogue and partly a scholarly account in a popular telling, consists of three parts: the story of the Haida culture of the Queen Charlotte Islands; the story of the visit to the Gitskans of the upper Skeena River; and the appendix, compiled from a few Tsimshian and Tlingit stories in translation, related to the Haida.

Thanks to Myler, the unique landscape of forested islands and ever-present sea, and the moss-covered cities of the Old Haida world, the villages of Cumshewa, Skedans, Tanu, Chaatl and Yan, opened their mysterious beauty to both of us. The same was true of the two largest, presently occupied villages of Skidegate and Old Masset that we also visited. The magnificence and power of so many totem poles, both those gradually decaying and returning to the earth of Haida Gwaii and the ones newly-made by the great craftsmen of the Haida people, have shared part of their stories with us.

One must acknowledge the importance of the human factor in opening up this world to us. We will never forget Laura, the head of

"Moresby Tours", Sean Young, our Haida guide over the village of Tanu, or the visit to the wonderful Skidegate carver, Norman Price, as well as the excursion given to us by his colleague, Eugene Davidson of Old Masset. Captain Arch and Margaret, who brought us to the village of Chaatl, will ever loom in our minds as examples of determination, skill, dependability and kindness. And besides all these, there were many, many others who also helped us on our way.

On the Mainland, we most gratefully remember our generous hosts, Ron and Linda Fowler, owners of the magnificent Triple Creek Ranch, which, for three days as we wound our way up the Skeena River towards the land of the Gitskan people, became home to two strange people, a Canadian who played the trickster all the time and a Russian who seemed to love smoked eulachons more than anything else in the world. Ron Fowler was friendly, active, generous and helpful, and Lila welcoming, artistic, and gentle, so our life resembled paradise – if only for three days...

The contemporary, recreated museum village of 'Ksan appeared to step straight out of the old legends about the Temlaham, the lost Garden of Eden to the local tribes of the old days.

The craftsmanship of the old carvers at the villages of Kitwanga, Kitsegukla, Kispiox and Kiwancool is as evident today as it was in the time of the great Canadian painter, Emily Carr, who visited these parts in order to record this heritage for posterity, and thus gave her country its unique identity.

And finally, at the City of Vancouver, our reunion with Bill Reid through the recently opened gallery dedicated to his art became a sign of our parting with the Haida Gwaii – though a parting full of promise and without good-byes.

Библиография

1. Barbeau M. Tsimsyan Myths Illustrated. – National Museum Of Canada, Bulletin No. 174, Anthropology Series No. 51, 1961.
2. Carr E. Klee Wyck. – Centennial Edition, 1941.
3. Duff W. Histories, Territories and Laws of the Kitwancool. – Victoria (B.C.): British Columbia Provincial Museum, 1959.
4. Harris K. B., Robinson F. M. Visitors Who Never Left. The Origin of the People of Damelahamid. – Vancouver: UBC Press, 1974.
5. Mc Donald G. F. Haida Monumental Art. Villages of the Queen Charlotte Islands. – Vancouver: UBC Press, 1994.
6. Swanton J., Haida Texts and Myths. – Skidegate Dialect. BAE Bulletin 29. – Washington, 1905.
7. Woodcock G. Peoples of the Coast. – Indiana University Press edition, 1977.

Ващенко Александр Владимирович

Столб, подпирающий мир: традиция и современность на Хайда Гвай.

Владения гитксанов

Научно-популярное издание

Директор издательства Лисина Е. А.

Научный редактор Сердечная В. В.

Ответственный редактор Лосева К. А.

Технический редактор Николаев М. В.

Корректор Корниенко Н. В.

Верстка и дизайн Пучков М. А.

Подписано в печать 16.03.2012. Формат 60x84/16

Гарнитура «Times». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печатные листы: 6,62. Тираж 500 экз. Заказ № 6584.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением издательства.

Редакция не несёт ответственности за содержание авторских материалов. Печатается в авторской редакции.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

142400, Московская обл., Ногинск, ул. Рогожская д. 7

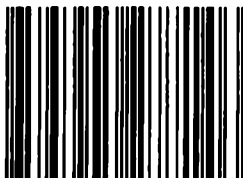
<http://www.publishing-vak.ru>

analitikarodis@yandex.ru

+7 915 056 9894, +7 919 858 0211

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вишневы
пирог». 115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12

ISBN 978-5-905277-14-6

9 785905 277146